

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставки и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. говорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 Января.

СОДЕРЖАНИЕ: Проектъ обложенія билетовъ.—
Вопросы народнаго театра (продолженіе) И. Инозем-
цева.—Французская выставка А. Р.—Московскія
письма Арсенія Г.—Люси, стих. А. де-Мюссе, перев.
Е. Кабзёрукъ.—Хроника театра и искусства.—Музы-
кальная библиографія.—Музыкальныя замѣтки Tri-
tonus.—За границей.—Золотая муха (рассказъ)
Д. Мамина-Сибиряка.—Провинціальная лѣтопись.—
Объявленія.

№ 5.

Рисунки: Геростратъ.—Деревенскій музыкантъ
А. Гризона.—Концертъ г. Падеревского —Шалости
старога діда Юса Большаго (8 рис.).—Больные люди
(3 рис.).—Богемскій квартетъ.
Портреты: В. И. Живокини.
Литер.-драм. отдѣлъ: (только для подписч.)
«Друзья» драма Роветта переводъ И. А. Гриневской
(окончаніе).

Принимается подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна за годъ 6 р.

за полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. и по два руб.
1-го марта и 1-го юня.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

С.-Петербургъ, 31-го января.

Петербургская Управа одобрила предложен-
ный гласнымъ С. Н. Худековымъ проектъ
обложенія театральныхъ билетовъ. Въ «Пе-
терб. Газетѣ» мы даже прочитали по этому поводу
нѣчто вродѣ радостной статьи, съ приблизительной
раскладкой тѣхъ благъ, которыя сулитъ новое
обложеніе. Вышло что-то около 200,000. Вотъ ужъ
именно, можно сказать, что Дума 200 тысячъ
выиграла.

Объ этомъ проектѣ мы писали уже дважды,
и хотя снова къ нему возвращаемся, но съ тяже-
лымъ чувствомъ на душѣ. И погромче насъ были
витіи, да не сдѣлали пользы перомъ... Статьи наши
предназначаются, разумѣется, не для актеровъ, те-
атральныхъ предпринимателей, даже не для сочув-
ствующей театральной публики, ибо всѣ они хорошо

знаютъ, насколько такое обложеніе, во-первыхъ,
несправедливо, а во-вторыхъ, неумѣстно. Мы бы
хотѣли, чтобы нашъ голосъ выслушали тѣ, отъ
которыхъ, въ большей или меньшей степени, за-
виситъ направленіе дѣла, и на первомъ планѣ,
стоятъ гласные думы. И сознавая необходимость
обращаться именно къ нимъ, мы чувствуемъ, что
дѣло заранѣе проиграно, и что едва ли наши со-
ображенія, при всей ихъ вѣскости и значитель-
ности, могутъ повліять на исходъ дѣла. Несомнѣнно,
во-первыхъ, что петербургское общественное управ-
леніе, какъ титулуетъ себя Дума, нуждается въ
деньгахъ. «Утечка суммъ»—этогъ живописный
терминъ навѣянтъ намъ незаконною «утечкой воды»,
одною изъ многихъ формъ утечекъ, на которую
имѣются любопытныя указанія въ лѣтописяхъ дум-
скаго управленія—утечка суммъ весьма значительна.
Наполнить кассу трудно. Переоцѣнка недвижи-
мости, справедливый кадастръ относится къ области
прекрасныхъ мечтаній, ибо требуетъ, прежде всего,
нѣкотораго мужества отъ самихъ гласныхъ, кото-
рыхъ, главнымъ образомъ переоцѣнка бьетъ по кар-
ману. Изъ всѣхъ родовъ обложеній, какіе только мо-
жно придумать—обложеніе театральное самое безо-
пасное. Актеры не состоятъ избирателями, и не
могутъ испортить ничьей карьеры. Ни съ Обще-
ствомъ Взаимнаго кредита, ни съ ломбардами, ни
съ подрядчиками они ни въ какой связи не со-
стоятъ. Стало быть, ударъ, который подготавлиетъ
Дума, никогда не задѣнетъ ихъ присныхъ и близ-
кихъ, и ни на комъ изъ засѣдающихъ въ Думѣ
рикошетомъ не отразится. Вотъ почему, мы гово-
рили напередъ, что дѣло проиграно... La cause est
perdue!..

Тѣмъ не менѣе, долгъ велитъ намъ высказать

все, что мы полагаемъ нужнымъ. Резюмируемъ вкратцѣ изложенное нами въ предыдущихъ статьяхъ: 1) Обложеніе театральныѣхъ билетовъ, какъ доказано статистически, не есть обложеніе публики, но театральныѣхъ предпріятій. 2) Совмѣстное и одновременное взиманіе двоякаго налога — государственнаго и городского — и въ столь почтенномъ размѣрѣ, не можетъ считаться доказаннымъ голословною ссылкой на опытъ Западной Европы. Гдѣ этотъ опытъ? Гдѣ цифры и данныя? 3) Примѣръ Варшавы ни мало не убѣдителенъ, ибо въ театральномъ отношеніи Варшава и поднесъ находится въ исключительномъ положеніи, такъ какъ театры представляютъ тамъ правительственную монополію. 4) Петербургская дума не имѣетъ *нравственнаго* права взимать что-нибудь съ театральныѣхъ предпріятій, ибо ни въ чемъ, ни въ одномъ постановленіи, а тѣмъ менѣе, ни въ одной ассигновкѣ, не проявила ни малѣйшаго участія къ театальному дѣлу. А жатву можно собирать съ того, что жнецомъ посѣяно, а никакъ не съ чуждаго поля.

Мы вернемся еще къ этому вопросу, съ соотвѣтствующими данными, когда дѣло будетъ назначено къ слушанію. А пока замѣтимъ, что дѣло совсѣмъ не такъ просто, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Другое соображеніе, и быть можетъ, наиболѣе убѣдительно для тѣхъ, кто въ обложеніи театральныѣхъ билетовъ усматриваетъ столь рѣшительное средство противъ хронической финансовой «утечки», которою страдаетъ петербургская Дума. Соображеніе это заключается въ томъ, что результаты окажутся далеко не соотвѣтствующими предположеніямъ. Обложеніе думскимъ сборомъ билетовъ въ Императорскіе театры — очевидно, не можетъ рассчитывать ни на какой успѣхъ. Обложеніе билетовъ въ народные и общедоступные театры точно также встрѣтитъ сильное противодѣйствіе Попечительства о народной трезвости Министерства Финансовъ, поддерживающихъ всѣми мѣрами развитіе и процвѣтаніе воспитательныхъ народныхъ развлеченій. Да и цѣны въ эти театры столько низки, что обложеніе ихъ едва ли можетъ дать солидную сумму.

Что же остается? Нѣкоторыя частныя театральныя предпріятія, вродѣ антрепризы Литературно-артистическаго Кружка, не преслѣдующія узко-коммерческія цѣли, и которыя облагать, поэтому, столь же несправедливо, какъ взимать дань съ литературныхъ, художественныхъ и иныхъ учреждений. И затѣмъ, слѣдовательно, остаются главнымъ образомъ, тѣ шато-кабакія учрежденія, съ которыхъ взимать не слѣдуетъ, если руководствоваться взглядами думы и самого автора проекта уважаемаго гласнаго С. Н. Худекова.

Напомнимъ гг. гласнымъ думы и другимъ читателямъ, которыхъ наша статья, быть можетъ, заставитъ хотя нѣсколько задуматься надъ этимъ вопросомъ, судьбу вопроса объ обложеніи билетовъ тотализатора. Предложеніе, встрѣченное сочувственно думскимъ большинствомъ, было отвергнуто, именно, вслѣдствіе настоянія уважаемаго гласнаго, пояснившего думѣ все неприличіе обогащенія за счетъ учреждений, которыхъ существованіе признается вреднымъ, нежелательнымъ и безнравственнымъ.

Да будетъ такъ! Мы не желаемъ другого рѣшенія вопроса. Одно изъ двухъ: или театръ есть общепользное дѣло, преслѣдующее культурныя цѣли, которое нужно уважать, подобно школѣ, каюдрѣ, печати и искусству. Тогда облагать театральныя предпріятія непосильнымъ двойнымъ налогомъ — грѣшно и неразумно. Или театральныя пред-

ставленія, хотя бы въ извѣстной части, суть учрежденія, противныя добрымъ правамъ, — тогда съ безнравственныхъ учреждений не слѣдуетъ желать «интересной прибыли».

Это не софизмъ. Въ такихъ общекультурныхъ вопросахъ мы не допускаемъ средняго рѣшенія. Т. е. что театръ, онъ и полезенъ, однако, бываетъ, что и вреденъ. Или, что театръ безразличенъ. Нѣтъ, это не безразличное явленіе, а серьезное, очень серьезное. Не намъ защищать пользу, славу и гуманизующее вліяніе театра. Для насъ это вопросъ существованія, стало быть, убѣжденія. Какъ бы ни были подчасъ печальны отклоненія театра отъ свѣтлыхъ, гуманныхъ и культурныхъ цѣлей — основная задача его все же прекрасная и возвышающая душу. *Сокращать* число театральныѣхъ посѣщеній — а обложеніе билетовъ, какъ, безспорно, доказано, есть сокращеніе числа посѣщеній — недостойно петербургской Думы, столь ревностно опоясавшейся къ насажденію школы и грамотности. Да будетъ извѣстно петербургскимъ гласнымъ, что театръ — разумѣемъ, хорошій — это живая каюдра, образная лекція, художественная проповѣдь, которой, по силѣ, мы не знаемъ равной. А о дурномъ театрѣ не стоитъ и говорить. Мы охотно его ставимъ на одну чашку вѣсовъ съ билетами тотализатора...

Отъ редакціи.

Ближайшими приложеніями будутъ: новая комедія К. С. Баранцевича „Отцы“ и новая пьеса С. М. Смирновой „Десятый валъ“, шедшая въ бенефисъ Е. Ж. Жулевой, 28 января.

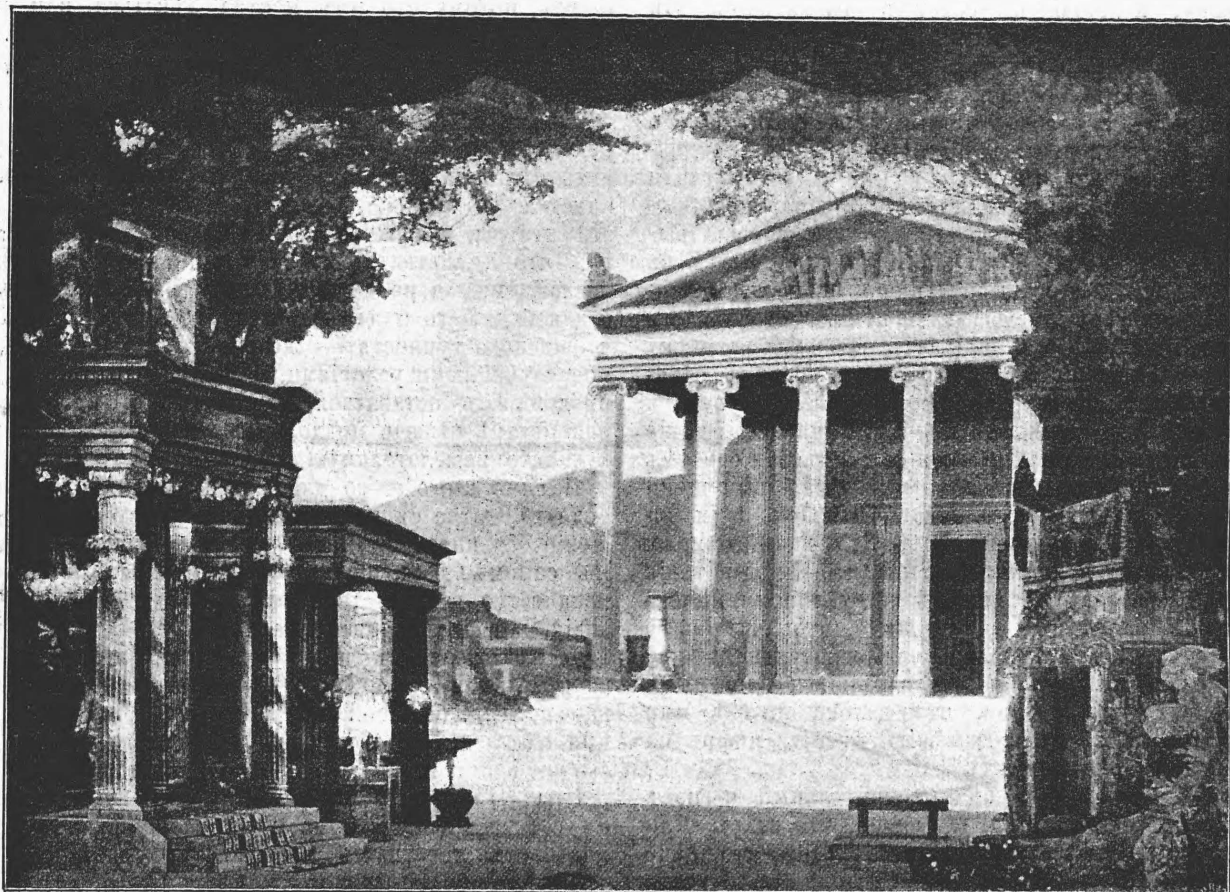
Хоттора симъ доводитъ до свѣдѣнія книжныхъ магазиновъ, что отъ таковыхъ подписка въ разсрочку приниматься не будетъ.

Просимъ сценическихъ дѣятелей, фамиліи коихъ начинаются съ буквы „Б.“ и „В.“, поспѣшить присылкою о себѣ біографическаго матеріала.

Новые подписчики на 1899 г. могутъ получить 1 выпускъ „Словаря“ за 50 к. вмѣсто 75 к., съ пересылкою. Полные комплекты за 1898 г. продаются за 6 р. (безъ пересылки), за 1897 г. (2-е изданіе — въ крайне ограниченномъ количествѣ) по 10 р. (безъ пересылки).

Декоративные мотивы.

Новая пьеса Фульда. «Геростратъ» (Храмъ въ Эфесѣ).

Вопросы народного театра *).

IV.

С.-Петербургское столичное попечительство о народной трезвости свою дѣятельность начало прямо съ народныхъ спектаклей, и первое время его афиши гласили именно о „народныхъ“ спектакляхъ; теперь его гулянья въ манежахъ именуются уже „общедоступными“. Фактъ на лицо: нѣмецкія пальто и котелки совершенно затмили на этихъ спектакляхъ чуйку и картузь, до такой степени затмили, что г. Щегловъ счелъ даже необходимымъ упрекнуть по этому поводу „малоимущую международную интеллигенцію, которая безцеремонно садится за чужой столъ, обрадовавшись его дешевизнѣ“ („Нов. Вр.“ № 8014).

Въ этомъ нужно разобраться. Допустимъ даже, что интеллигенція сѣла за столъ, но еще неизвѣстно, за чужой ли? Можно ли, во-первыхъ, опредѣлить точно, гдѣ начинается интеллигенція и кончается народъ? гдѣ та математическая линія, по одну сторону которой международные интеллигенты, а по другую единародный русскій людъ? Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ вспомнить пестроту петербургской, да и вообще городской жизни. Это въ деревнѣ можно болѣе или менѣе установить какую-либо грань: учитель, священникъ, становой, — это „интеллигенты“, отдѣленные почти пропастью отъ неграмотнаго народа, да и то между ними можно имѣть звенья въ лицѣ омужившихся помѣщиковъ и болѣе развитыхъ крестьянъ. Въ городской жизни эти промежуточные звенья сплошь занимаютъ всю лѣстницу

между высшимъ образованнымъ обществомъ и народомъ. Рабочій незамѣтно переходитъ въ приказчика, техника низшихъ ступеней, а отсюда уже переходъ къ конторщикамъ, мелкимъ чиновникамъ и пр. Тоже и относительно женскаго пола. Фабричная незамѣтно сливается съ прислугой, въ высшія ступени послѣднихъ съ портнихами, эти послѣднія съ женами мелкихъ чиновниковъ. Словомъ, какія бы то ни было грани невозможны, и сравнительная интеллигентность не можетъ быть опредѣлена по костюму. Если же г. Щегловъ подѣ именемъ „международной интеллигенціи“ разумѣетъ то, чего такъ не любятъ „Московскія Вѣдомости“, то вѣдь такіе интеллигенты сами устраиваютъ народные театры, а не ходятъ ихъ смотрѣть...

Мы этимъ хотимъ только сказать, что нѣтъ никакихъ основаній негодовать на хожденіе „интеллигенціи“ въ народный театръ, тѣмъ болѣе, что среди этой по одеждѣ „интеллигенціи“ много людей, далеко не высоко стоящихъ въ культурномъ отношеніи. Важнѣе тотъ фактъ, что народъ чуетъ и картузовъ не ходитъ на народные спектакли. Это обстоятельство никакому сомнѣнію не подлежитъ, и еще текущимъ лѣтомъ всѣ петербургскія газеты единогласно констатировали этотъ фактъ по поводу гуляній попечительства о народной трезвости. Однако насчетъ петербургскихъ театровъ мы цифрами не обладаемъ, и могутъ еще быть какія-либо сомнѣнія, но вотъ данныя отчета пензенскаго народного театра, который не только дешевую цѣну назначилъ, но и принималъ другія мѣры для привлеченія рабочихъ. Въ этихъ видахъ для впуска въ амфитеатръ *)

*) Напомнимъ, что пензенскій театръ лѣтній, открытый, онъ состоитъ изъ партера съ нумерованными, болѣе дорогими мѣстами, и амфитеатра—со стоячими по 10 коп. за входъ.

*) См. №№ 2, 3 и 4.

было установлено три категоріи: плативших нормальную цѣну, льготныхъ, платившихъ только половину, и наконецъ совѣмъ бесплатныхъ. Въ 1897 г. льготные билеты выдавались преимущественно рабочимъ Сызрано-Вяземской ж. д., заводъ Крюгера и Лобанова, а также и другихъ предприятий чрезъ ихъ конторы и управляющихъ. Въ 1897 г. были введены особыя контрмарки, предъявители которыхъ при входѣ въ садъ получали льготный билетъ въ 5 коп. Эти контрмарки также предназначались для рабочаго люда и сначала выдавались не болѣе, какъ по 250—300 штукъ на спектакль, но потомъ выпускались въ неограниченномъ количествѣ и раздавались съ театральнымъ разсылнымъ, который выдавалъ ихъ подъ росписку старшимъ мастеровымъ и рабочимъ. Такимъ образомъ льготы были предоставлены самыя широкія, и тѣмъ не менѣе свыше 38 проц. получившихъ такіе билеты не пожелали ими воспользоваться и совѣмъ не были въ театрѣ: контрмарокъ было выпущено 14162, а предъявлено въ кассу и куплено 5-ти копѣечныхъ билетовъ всего 8686. Но и этого мало: дирекціей театра констатируется, что иногда такіа контрмарки предъявлялись въ кассу лицами, ничего общаго съ рабочимъ не имѣющими, что еще болѣе повышаетъ процентъ не воспользовавшихся льготой рабочихъ. Наконецъ и относительно бесплатныхъ билетовъ констатируется, что далеко не всѣ ими воспользовались — къ сожалѣнію отчетъ цифръ на этотъ счетъ не приводитъ.

Фактъ такимъ образомъ поучительный и надъ нимъ стоитъ задуматься. Очевидно, что здѣсь дѣло не только въ пятачковой затратѣ, потому что иначе ужъ по бесплатнымъ билетамъ ходили бы. Просто дѣло въ общей непривычкѣ къ этому развлеченію, и присутствіе — въ особенности въ Пензѣ съ дорофформеннымъ кабакомъ — болѣе облюбованныхъ мѣстъ отдыха отъ трудовъ. Можно, конечно, только пожалѣть объ этомъ и поразоваться, что мелкая интеллигенція посѣщаетъ театръ и выноситъ изъ него извѣстный подъѣмъ духа и эстетическое впечатлѣніе. Сама жизнь превращаетъ народный театръ въ общедоступный и съ этимъ ничего подѣлать нельзя. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ загонять на зрѣлище специально чужекъ и поставить у входа городского со строжайшимъ наказомъ не впускать шляпокъ и котелковъ. По составу своей публики еще очень и очень долго народный театръ останется общедоступнымъ, а это въ сущности и есть единственная разница между этими двумя видами театровъ; развѣ что въ видахъ общедоступности будутъ допущены отступленія отъ чисто художественныхъ задачъ театра. Тогда это будетъ просто вредный театръ. Основное требованіе — минимальная плата за мѣста и художественный репертуаръ, и именно такой театръ будетъ переходнымъ къ истинно народному театру, правильно сказать къ такому, въ которомъ будетъ бывать весь народъ безъ того члененія его на двѣ группы „интеллигентовъ“ и „народа“, которое и безъ того стоило Россіи не мало. Исключеніе составляютъ театры деревенскіе, которые уже по чисто территоріальнымъ условіямъ могутъ быть наполнены исключительно народной публикой, въ которой совершенно затеряются немногіе случайные интеллигенты. Однако, при настоящихъ условіяхъ, созданіе такихъ прочныхъ постоянныхъ театровъ, за рѣдкими счастливыми исключеніями, врядъ ли мыслимо. Возможны театры фабричныя, но опять таки по составу публики они приближаются къ общедоступнымъ, потому что всегда будутъ посѣщаться не только рабочими, но и другими служащими, которыхъ по ходячей терминологіи нужно отнести къ

„интеллигентамъ“. И эти интеллигенты непременно будутъ рваться въ дешевый и приличный театръ, потому что имъ некуда дѣваться, или потому что другіе театры слишкомъ дороги или благодаря разнузданности многихъ театральныхъ зрѣлищъ.

Такимъ образомъ общедоступный театръ есть переходный къ народному — и это нужно твердо помнить. Чуть народъ немножко разовьется, немножко очнется отъ вѣковой темноты — онъ повалитъ въ эти театры, и нужно, чтобы онъ въ нихъ нашелъ то, что дѣйствительно доставляетъ эстетическое наслажденіе, а не дешевый разгулъ. Слѣдовательно и для будущаго и для настоящаго нельзя забывать, что общедоступность — жизненное явленіе, вызванное случайными условіями, и что театръ по идѣ продолжаетъ оставаться народнымъ и въ своемъ репертуарѣ отнюдь не долженъ уклоняться въ какую-либо нежелательную сторону.

Помимо всего этого для созданія и укрѣпленія народнаго театра съ чисто матеріальной стороны посѣщеніе его интеллигенціей имѣетъ большое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ нельзя рассчитывать на такое количество государственныхъ и общественныхъ субсидій, которыя гарантировали бы достаточное количество театровъ не заинтересованныхъ въ поспѣхательномъ сборѣ. Съ другой стороны хотя бы народъ и въ большой массѣ посѣщалъ самыя дешевыя мѣста, то все-таки изъ его гривенниковъ далеко не составитъ сумму, необходимая для содержанія театра. Пензенскій народный театръ существуетъ на собственные средства и ужъ конечно не на доходъ отъ льготныхъ и бесплатныхъ билетовъ, а отъ тѣмъ болѣе дорогихъ мѣстъ, которыя называются партеромъ и посѣщаются именно интеллигенціей. Съ этой въ особенности точки зрѣнія можно только поблагодарить интеллигенцію *) за посѣщеніе народныхъ театровъ. Если здѣсь она садится за столъ, то такимъ образомъ, что оплачиваетъ не только свое сидѣніе за нимъ, но и народа.

Ив. Иноземцевъ.

Французская выставка.

Недавно открывшаяся французская выставка по общему характеру отличается отъ бывшей у насъ два года назадъ. На ней почти отсутствуютъ картины старыхъ мастеровъ, нѣтъ произведеній такихъ знаменитостей, какъ Бугеро, Бонна, Лефевръ, Жеромъ и др., гораздо менѣе и того хлама, которымъ изобиловала первая выставка, преобладаютъ картины молодыхъ художниковъ, напр. такъ называемой школы «молодыхъ бретонцевъ», между которыми есть очень интересныя. Въ послѣдніе годы мы имѣли возможность познакомиться съ искусствомъ разныхъ національностей. Хотя въ смыслѣ разработки формы и техники французское искусство, повидимому, все еще занимаетъ первенствующее положеніе, однако нельзя не отмѣтить одной интересной черты. Какъ и въ литературѣ, такъ въ живописи новыя, свѣжія теченія идутъ съ сѣвера. Въ данномъ случаѣ это — вліяніе скандинавскихъ художниковъ, пользующихся вѣсѣмъ богатствомъ современной техники и сознательно упрощающихъ ее, для разработки сюжетовъ народнаго эпоса. Едва ли въ современной французской живописи есть такіе богато одаренные индивидуальныя таланты, какъ напр. Цорнъ. Тѣмъ не менѣе общее наиболѣе яркое впечатлѣніе блеска, жизнерадостности, свѣжести, а главное свободы все-таки оставляетъ за собой французская живопись. Она такъ радуется глазъ

*) Употребляя это слово, мы вездѣ имѣемъ въ виду все, что не есть крестьянинъ и рабочій.

разнообразиемъ въ выборѣ сюжетовъ, въ техникѣ, общимъ высокимъ уровнемъ рисунка, блескомъ и тонкостью живописи, стремленіемъ къ разработкѣ все новыхъ формъ. Въ краткомъ обзорѣ могу указать я только на нѣкоторые выдающіяся произведенія. Шедевромъ выставки многіе считаютъ громадный оригиналъ Котте «Въ странѣ моря», помѣщенный на самомъ почетномъ мѣстѣ. Средняя часть его дѣйствительно интересная и по живописи и по настроенію, а двѣ боковыя до такой степени темны и черны, что на нихъ съ трудомъ можно что-нибудь разобрать, можетъ быть, вслѣдствіе неблагоприятнаго освѣщенія всей картины вообще. Чернота преобладаетъ и въ другихъ картинахъ Котте. Превосходны по обыкновенію картины Ролля, напр. «Молодой быкъ» и особенно «Кормилица», удивительно точно, рельефно и правдиво написанная. Лювись-де-Шаваннъ и одинъ изъ самыхъ интересныхъ современныхъ французскихъ художниковъ Рафаэлли представлены довольно не интересно каждый одной картиной. Очень хороша картина Латуша «Обѣдня въ Бретани» съ удивительно сильно и вѣрно переданнымъ свѣтомъ и воздухомъ. Очень хорошимъ рисункомъ выдается «Бѣднякъ» Сабатте, и эффектностью «Негусъ Менеликъ» Бюфе. Мною очень нравятся небольшія картины Менье «Возвращеніе съ полей» и особенно «Мимолетная любовь», картина съ большимъ настроеніемъ и прекрасно и оригинально написаннымъ пейзажемъ. Въ большой картинѣ Скота «Возвращеніе кирасиръ въ военную школу съ большихъ маневровъ» такъ правдиво блестятъ каски въ общемъ сумеречномъ освѣщеніи. По обыкновенію выставка изобилуетъ пресловутой *puddité*, въ изображеніи которой французы, какъ извѣстно, не имѣютъ соперниковъ, при чемъ женское тѣло трактуется самымъ разнообразнымъ способомъ, начиная объ отношеніяхъ, во многихъ интересныхъ, импрессионистскихъ изображеніяхъ Ренуара и кончая пересахаренными «купальщицами», «покушеніями» и проч. а *à la Бугеро*. Портретовъ не много и нельзя сказать, чтобы на этотъ разъ портретная живопись была представлена богато. Среди всѣхъ портретовъ и головокъ выдается очень изящная головка Максанса «Весна», чрезвычайно тонко нарисованная и съ удивительно тонко и живо схваченнымъ выраженіемъ глазъ. За то пейзажъ на настоящей выставкѣ представленъ богато, разнообразно и интересно; не мало очень интересныхъ импрессионистскихъ пейзажей. Одного Моне, представителя импрессионистовъ, 12 картинъ, между которыми, надо отдать ему справедливость, есть очень интересные, напр. «Прогулка въ саду», «Въ Паркѣ Монсо» съ очень вѣрно и сильно переданнымъ солнечнымъ освѣщеніемъ. Много интереснаго живого, вѣрнаго и сильнаго въ странныхъ на первый взглядъ импрессионистскихъ картинахъ: *d'Espagnes* «Дѣти съ кроликами», «Сосновая аллея» и др. Очень интересные пейзажи Тессаро, особенно «Бульваръ Монмартръ» съ тонко и вѣрно подмѣченными освѣщеніемъ. Можно назвать еще очень хорошіе пейзажи Госселена «Восходъ луны» и Леру-Жерара «Возвращеніе рыбацкихъ лодокъ съ ловли сардинокъ», «Весенній ливень» Жильбера, «Дорога вдоль берега рѣки» Лоран-Деруссо, «Октябрь» Мейксъ Моронъ-де-Домбаль, «Непаханная земля на Юрѣ» Пуантелена и др. Среди акварелей, пастелей и рисунковъ особенно выдаются работы Гиге, Ренуара и Сабатте. Наконецъ въ отдѣлѣ скульптуры, конечно, наибольший интересъ представляетъ такъ прогрессившій Роденъ, этотъ импрессионистъ въ скульптурѣ, дѣйствительно очень сильный и оригинальный, въ «Евѣ» котораго на настоящей выставкѣ есть часто могучее и первобытное, чѣмъ она такъ выгодно отличается отъ безчисленныхъ Евъ, трактованныхъ въ живописи и скульптурѣ. Безъ сомнѣнія, и на этой выставкѣ можно найти вещи и слабыя, и даже шарлатанскія, но несомнѣнно преобладаютъ тѣ, гдѣ царитъ истинное искусство или по крайней мѣрѣ, честные и искренне его поиски. Такія выставки во всякомъ случаѣ имѣютъ воспитательное значеніе для нашей публики, знакомя ее съ богатствомъ современной техники, приучая правильно смотрѣть на сущность живописи,

французская художественная выставка.

«Деревенскій музыкантъ» (карт. Адольфа Гризона).

цѣнить въ ней не такъ еще любезную сердцу многихъ безжизненную зализанность, извѣстную подъ именемъ законченности, а исканіе правды впечатлѣнія, выраженіе индивидуальности художника. Въ нихъ во всякомъ случаѣ нѣтъ той пошлой шаблонности, которой изобилвала напр. прошлогодняя италянская выставка и изобилуютъ нѣкоторые наши доморощенныя.

А. Р.

Московскія письма *).

III.

Съ настоящимъ письмомъ я ждалъ, пока не состоится постановка «Царя Бориса». Все таки этотъ спектакль въдѣ кульминаціонный пунктъ текущаго сезона, и не хотѣлось дробить впечатлѣній другими театральными новинками.

Постановка «Бориса», наконецъ, состоялась. Всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ чествовали у насъ г-жу Медвѣдеву, для юбилейнаго бенефиса которой пьеса была поставлена. Знаютъ всѣ также, что этимъ спектаклемъ Москва разъ на всегда заявила свое искреннее и глубокое уваженіе передъ артистическими заслугами Н. М. Медвѣдовой, этой единственной оставшейся въ живыхъ представительницы той блестящей эпохи Московскаго театра, которая осынена была именами Щепкина, Шумскаго, Са-

* См. № 2.

марина. Едва-ли, следовательно, нужно прибавлять, что уже много лѣтъ ни одинъ спектакль въ Москвѣ не вызывалъ къ себѣ такого глубокаго и, что особенно важно, отнѣтита, серьезнаго интереса. Публика шла въ театръ, ясно понимая, что идетъ на праздникъ русскаго искусства: праздникъ благодарности по отношенію къ артисткѣ, пятьдесятъ лѣтъ вѣрой и правдой служившей русской сценѣ, праздникъ сцены вообще, такъ какъ должна была исполняться пьеса глубокаго интереса и значенія.

Съ чѣмъ мы ушли съ этого праздника? Вотъ точка зрѣнія, которая руководитъ мной, когда я набрасываю эти строки.

Но прежде нѣсколько оговорокъ. Исторія Россіи—матеріалъ, которымъ до сихъ поръ такъ скудно пользовались наши драматурги, такъ что неудивительно, если артисты въ общемъ и цѣломъ не умѣютъ играть русскіе историческіе пьесы. Это, впрочемъ, хорошо для будущаго, такъ какъ хотя въ данной области русскаго театра нѣтъ еще готовыхъ шаблоновъ. Но это очень дурно для настоящаго, такъ какъ, гдѣ нѣтъ шаблоновъ, нуженъ огромный подъемъ творчества, а послѣднее не каждый день встрѣчаешь. „Эмонта“, „Марію Стюартъ“, „Графа де-Ризоора“—пьесы разнаго калибра, но одной вышней окраски—наши артисты всегда сыграютъ, лучше или хуже, но, при известномъ режимѣ режиссуры, при известныхъ средствахъ, все-таки, сыграютъ такъ, что не особенно требовательный зритель, пожалуй, и удовлетворится. Смѣшно, конечно, думать, что герой исторіи французской, англійской, фландрской, венеціанской, испанской, хотя бы одного и того же вѣка, все тотъ же одинаковый герцогъ или графъ, потому только, что на немъ все то же трико и почти такой же беретъ или плащъ. Но и трико, и беретъ тѣмъ не менѣе въ глазахъ зрителя, не задумывающагося ни надъ чѣмъ, кромѣ общаго впечатлѣнія отъ общей картины, являются несомнѣнно нивелирующимъ началомъ. Герцогъ,—ну, и отличнo, пусть называется, разъ видимость (т. е. трико, шляпа съ перомъ и цѣпь на шеѣ) говоритъ за него. Пьеса написана стихами, артистъ настолько выдержанъ, что можетъ почитаться обладающимъ хорошими манерами, настолько талантливъ, что можетъ внести въ чтеніе стиховъ живой огонь своей души, и получается прежде всего красивое зрѣлище, часто къ тому же озаренное блескомъ неподдѣльнаго вдохновенія артистовъ.

Русская исторія не даетъ ничего для созданія этой красивой, скажу больше—декоративно безукоризненной видимости. Охабни, высокие бодрскіе шапки, кички, душегрѣбы, т. е. костюмы, несомнѣнно сгѣсняющіе движенія артистовъ, костюмы, красота которыхъ для насъ болѣе внутренняя, чѣмъ внѣшняя, а какъ добавочный элементъ—только развъ звонъ колоколовъ,—тутъ еще немного для сильныхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Рядомъ съ этимъ нельзя не принять во вниманіе, что по основнымъ чертамъ быта, дѣйствіе все время происходитъ или на площади, гдѣ топъ декораций неизбежно сброваты, или въ маленькихъ горенкахъ съ нависшими надъ головами артистовъ сводами и потолками. Тутъ много работы археологу, пожалуй, больше, чѣмъ въ пьесахъ изъ исторіи другихъ народовъ, потому что зритель потребуетъ болѣе точности, но работа эта мало благодарна въ смыслѣ той „видимости“, о которой сказано выше; затѣмъ еще: самыя движенія и интонированія должны быть совсѣмъ другія, чѣмъ въ пьесахъ изъ западно-европейской исторіи. Страсти въ тѣ времена русской исторіи выражались значительно иначе, чѣмъ къ этому привыкли актеры, пріученные къ декламациі ролей Эмонта и Маріи Стюартъ, какъ иною была и походка, иною и посадка, иными и приемы вести разговоръ, кланяться и т. д. Следовательно, все, рѣшительно все, надо ломать въ себѣ, всего себя передѣлать и тѣмъ не менѣе не быть увѣреннымъ, что чего-нибудь добился, потому что для данной области сценическаго исполненія еще не наступилъ моментъ детальной разработки.

Таковы внѣшнія условія. А внутреннія? Если хотите, они легче, но только въ томъ смыслѣ, что сами авторы рисуютъ свои картины, за исключеніемъ одного Пушкина и лишь отчасти г. Ал. Толстого, только въ общихъ чертахъ, весьма нерѣдко сбывая своихъ героев въ топъ Эмонтовъ, герцоговъ Рочестерскихъ, герцоговъ Орлеанскихъ и т. д. Но эти внутреннія условія тѣмъ тяжелее, что, при всемъ неблагоприятномъ положеніи артистовъ, публика остается съ своими требованіями, съ своимъ вполне яснымъ пониманіемъ, что все, что она видитъ, хотя и то, да не совсѣмъ.

Можно ли поэтому желать и надѣяться, чтобы теперь—я говорю только о томъ, что на нашихъ глазахъ и нашей памяти—хотя бы одинъ спектакль: изображающій сцены русской жизни XV—XVII вѣка, могъ выдержать безпристрастную критику? Критику археолога—да, это возможно; но критику непосредственнаго чутія? Ни въ какомъ случаѣ.

Понятно, надѣюсь, почему при всемъ удивленіи къ

таланту и творческой силѣ отдельныхъ артистовъ Малаго театра, при несомнѣнной заботливости и тщательности, съ которой былъ во всѣхъ подробностяхъ обставленъ спектакль, общее и цѣлое не въ его пользу.

Отмѣчу и еще одно обстоятельство, уже непосредственно относящееся къ данному спектаклю: особенностями самой пьесы. Быть можетъ, мнѣ и тутъ придется остаться при отдельномъ мнѣніи, но для меня несомнѣнно, что „Царь Борисъ“ не трагедія, а лишь рядъ отдельныхъ, заранѣе взятыхъ и словившихся за кулисами душевныхъ настроеній, предстоящихъ передъ нами лишь въ видѣ психологическихъ фактовъ. „Царь Борисъ“—послѣдняя часть трилогіи,—скажете вы. Но, когда я смотрю „Царя Бориса“, я смотрю именно эту пьесу, а не одну изъ частей трилогіи. По далѣе: надо припомнить не только обѣ предыдущія части трилогіи, но и многое, что вообще знаемъ о Борисѣ Годуновѣ, чтобы слѣдить за развитіемъ пьесы. Зрителю это, пожалуй, и не трудно, но какъ трудно артисту, который чувствуетъ, что ему надо внести въ роль многое, чего въ ней нѣтъ, а внести этого онъ не можетъ, скованный авторомъ.

Пьеса даетъ намъ три психологическихъ факта: торжество Бориса Годунова въ день вѣнчанія на царство, увѣренность царя, что благо Россіи является цѣлью, оправдывающей совершенное имъ злодѣяніе и, наконецъ, ужасъ Годунова, когда онъ видитъ уже ясно, что съ прошлымъ счеты далеко не закончены. Съ этой минуты и до минуты смерти Годунова, психологическій фактъ то постепенно развертывается въ психологическое дѣйствіе, то скорѣе скачками, тѣмъ въ видѣ постепеннаго развертывающейся картины, идетъ къ развязкѣ. Во всякомъ же случаѣ, до этого момента мы имѣемъ только пятна, для общаго характера Годунова тѣмъ болѣе мертвые, что, захватывая много годы, а стало быть, и многихъ лицъ и событій, все время они остаются неподвижными, не имѣющими серьезнаго вліянія на все, что слѣдуетъ за ними.

Я отнюдь не разбираю самую пьесу, а говорю исключительно о роли. На первыхъ же шагахъ артистъ встрѣчаетъ неодолимое препятствіе: надо умѣть найти разнообразіе въ однообразныхъ сценическихъ положеніяхъ. При этомъ одвообразныя положенія идутъ сериями, одна за другой, безъ психологической между собой связи. Ясно, что артисту приходится не столько воплощать лицо, сколько дѣлать роль. И на это уходитъ въ теченіи спектакля его главныя силы. Лишенный самыхъ плодотворныхъ элементовъ творчества—планомѣрнаго и постепеннаго развитія психологическаго дѣйствія, постепеннаго нарастанія чувствъ,—артистъ ни на минуту не имѣетъ возможности слиться съ ролью. Онъ живетъ и чувствуетъ самъ по себѣ, а Борисъ Годуновъ самъ по себѣ. Выходя за кулисы, положимъ, подъ давленіемъ пяти атмосферъ, онъ возвращается черезъ нѣсколько минутъ на сцену подъ давленіемъ пятнадцати атмосферъ. Откуда и какое это нарастаніе? Оно извѣстъ, оно дано авторомъ, но не пьесой. И актеръ не можетъ поэтому изображать его иначе, какъ внѣшнимъ образомъ.

Г. Южинъ, исполнившій Бориса Годунова, пережилъ все это. Обладая широкимъ запасомъ сценическихъ средствъ, артистъ долженъ былъ, чередуя и быстро замѣняя одно другимъ, исчерпать весь запасъ до конца.

Г. Южинъ напоминалъ мнѣ храбраго и полнаго благородной отваги воина, самоотверженно защищающаго свой постъ отъ натиска многочисленной рати. Разрядивъ ружье, воинъ бросается къ пущкѣ; выстрѣлила пущка—воинъ натягивалъ тетиву самострѣла; выпалъ изъ рукъ самострѣлъ—воинъ обнажалъ саблю. А враги, многочисленные и сильные—все тѣ внѣшнія и внутреннія условія, о которыхъ я говорилъ, напирали силоченымъ, дружнымъ огнемъ, такъ что, когда занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ, мы такъ и не могли рѣшить, кто же собственно кого побѣдилъ.

Говоря вообще—изъ всѣхъ русскіхъ артистовъ, которые могли бы сейчасъ играть Годунова, г. Южинъ, конечно, стоитъ на первомъ мѣстѣ. Говоря подробно—если г. Ал. Толстой, создавая Бориса, задумывалъ его въ бытовыхъ и характерныхъ тонахъ, но мѣстами впадалъ въ романтизмъ, г. Южинъ, толкая замыселъ Толстого, задумалъ его въ романтическомъ тонѣ, иногда и очень рѣдко впадалъ въ характерные и бытовые тона. Говоря еще детальнее—гдѣ г. Южинъ производитъ впечатлѣніе, тамъ онъ былъ условно театраленъ; гдѣ онъ выбывалъ изъ подъ этой тяжести, онъ не достигалъ силы. Были и исключенія, но таковъ общій фонъ.

Насколько я понялъ замыселъ г. Южина, планъ былъ таковъ: Борисъ Годуновъ—татаринъ, а не славянинъ; Годуновъ—бояринъ на престолѣ, а не царь; Годуновъ г. Толстого—идея, а не лицо; вся пьеса—демонстрація определенной идеи, а не кафтавы историческаго быта. Съ моей точки зрѣнія, тутъ рядъ непримиримыхъ противорѣчій. Если Годуновъ—идея, а не лицо, то такіе подробно-

сти, какъ бояринъ на престолѣ, но не царь, татаринъ, но не славянинъ, значенія не имѣютъ. Нельзя вѣдь думать, что Гамлетъ получилъ бы иное сценическое освѣщеніе, если бы онъ былъ не датскимъ, а, положимъ, шведскимъ принцемъ. Но г. Южинъ, суммируя отдѣльныя черты, данныя авторомъ, выдѣляетъ изъ нихъ нѣсколько самостоятельныхъ группъ и каждой придаетъ самостоятельное вліяніе на свой замыселъ. Съ моей точки зрѣнія, тутъ возможны только два рѣшенія: либо идти по указаніямъ деталей пьесы—тогда Борисъ Годуновъ долженъ изобразиться, какъ характеръ, либо идти по общему тону роли—тогда Борисъ Годуновъ остается идеей. Но средняго рѣшенія нѣтъ, и оно, во всякомъ случаѣ, самое худшее. Ставъ на такой путь, г. Южинъ только сгустилъ новолѣныя погрѣшности поэта, пройдя съ извѣстной беззаботностью мимо его достоинствъ.

Нужно ли послѣ всего сказаннаго разбирать пополненіе по сценамъ? Г. Южинъ настолько уменъ и логиченъ на сценѣ, что едва ли способенъ впасть въ ошибки въ предѣлахъ общаго замысла.

Понятно, что первый выходъ и сцену пріема послѣ онъ провелъ со всей тонкостью отдѣлки, на какую способенъ артистъ, понимающій, что Борисъ Годуновъ былъ однимъ изъ лучшихъ дипломатовъ своего времени, что Борисъ Годуновъ—воспитанникъ такого политика какъ Іоаннъ Грозный, что Борисъ Годуновъ болѣе всего представлялъ на видъ свое избраніе народомъ и т. д. Гриммъ не наклеенная борода и не подведенные глаза, а именно гриммъ—осанка, улыбка, величіе боярина, видящаго себя царемъ, сквозь которое прорывается страстность этой кипучей натуры, какой въ дѣйствительности былъ Годуновъ,—все это, если разбирать въ отдѣльности, было безукоризненно. Артистъ могъ бы болѣе разнообразить интонаціи, давая, наприимѣръ, одинъ оттѣнокъ сценѣ съ Сапѣгой и другой—сценѣ съ турецкимъ и персидскимъ послами, но это ужъ слишкомъ большая частность. Тѣмъ понятнѣе далѣе, что замѣчательный монологъ первой картины г. Южинъ произнесъ совсѣмъ такъ, какъ если бы игралъ Карла въ „Эрнани“ и декламировалъ у гробницъ своихъ предковъ. Это очень красиво, очень импонируетъ, но это уже Борисъ Годуновъ № 2, мало общаго имѣющій съ тѣмъ номеромъ первымъ, о которомъ мы только что говорили.

Точно также и во второй картинѣ: выходъ Годунова и первое обращеніе къ сестрѣ—Годуновъ № 1; дальнѣйшая сцена и монологъ Годуновъ № 2, котораго я довольно искренно могъ бы принять за героя „Маріанны“ Эчегерая. Многому способствовала тутъ и г-жа Ермолова, которая почему то основной нотой для царицы Ирины взяла ноту тихаго страданія, совсѣмъ, какъ въ лучшихъ сценахъ „Маріанны“. Поэтъ заставилъ явиться Ирину неумолимымъ и неподкупнымъ судьей брата, Борисъ становится на защиту самой завѣтной своей мысли—благо Россіи, обезпеченное въ его рукахъ, стоитъ убійства царевича, тутъ мы вправе ожидать подъема и отъ Ирины, и отъ Бориса. Ирина была только тоскующей инокиней, Годуновъ проявлялъ только способность звучно и красиво произносить красивые стихи.

Въ сценѣ съ дѣтьми мы видѣли Годунова № 1, въ сценѣ, когда получается первое извѣстіе о Лжедмитріѣ—Годуновъ № 2. Безподобный въ объясненіи съ Василиемъ Шуйскимъ, г. Южинъ превращался въ Макбета, оставался наединѣ съ публикой. Годуновъ № 1 въ сценѣ съ женой, г. Южинъ дѣлалъ опять Годуновымъ № 2 въ сценѣ съ боярами и особенно въ монологахъ. Наконецъ, онъ умеръ какъ Ричардъ III.

Повторяю, я не виню артиста ни на минуту. Я бы думалъ только, что цѣльность впечатлѣнія будетъ достигнута лишь тогда, когда артистъ твердой рукой перемѣститъ центръ тяжести на другую сторону. Г. Южинъ, разумѣется, не можетъ не чувствовать въ идеѣ Бориса самого Бориса, но онъ до того поработченъ своимъ обычнымъ репертуаромъ, что не рѣшается уйти отъ него, хотя бы даже сознавая необходимость этого. А когда онъ рѣшится на это, я увѣренъ, что въ дѣтописи русской сцены наряду съ лучшими ролями г. Южина, будетъ занесена и роль Бориса Годунова.

О г-жѣ Ермоловой я уже говорилъ. Что же касается остальныхъ исполнителей, то прежде всего надо напомнить то, съ чего я началъ. Артисты такой сцены, какъ нашъ Малый театръ, и крупные и невидные одинаково, дѣлаютъ всегда, что могутъ, но, повторяю, не наступило еще время для заботливой разработки вопросовъ, связанныхъ съ постановкой пьесъ изъ русской исторіи.

Какъ бы талантливы ни были исполнители, стройность и дѣльность спектакля являются результатами преемственно упорнаго труда ряда поколѣній надъ извѣстными задачами. Сейчасъ такой трудъ по отношенію къ русской исторической трагедіи только начинается.

Вотъ почему, я не упрекну г-жу Яблочкину, которая, исполняя роль царицы Ксеніи, изобразила ее обыкновен-

ной, драматической, оперной и балетной царевной. Не стану упрекать я также и всю группу артистовъ, принявшихъ участіе въ сценѣ въ домѣ Федора Нлѣитича Романова. Не стану упрекать и г. Падарина, сдѣлавшаго изъ прибывшаго съ сеунцомъ воеводы Тарскаго вѣстника во вкусъ Шиллеровскихъ трагедій. Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что тотъ же г. Падаринъ былъ очень хорошъ въ роли посадскаго.

Остальные исполнители второстепенныхъ ролей были лучше или хуже, но всѣ въ томъ же родѣ.

Г-жа Федотова положительно удивила насъ въ роли жены Бориса Годунова. Холодно, сухо, дѣланно, безъ всякаго подъема... Сцену, гдѣ царица приходитъ къ царю отстаивать свое самое святое убѣжденіе—что нельзя выдавать дочь замужъ за басурмана, г-жа Федотова ведетъ вяло, нехотя и словно бы она заранѣе знаетъ, что ничего не добьется.

Какъ и всегда роль Василя Шуйскаго игралъ г. Правдинъ. Всѣ Шуйскіе—давно уже монополизированы г. Правдинымъ. Г. Правдину необходимо больше величавости, спокойствія, неподвижности.

Безподобенъ былъ г. Ленскій въ роли Льва Сапѣги. Выходъ Сапѣги—цѣлая картина, рѣчь, сказанная Годунову—рядъ художественныхъ моментовъ, достойныхъ того, чтобы быть увѣковѣченными.

Остается сказать еще о двоихъ,—о г. Садовскомъ 2-мъ и г. Остужевѣ. Первый игралъ Христіана, жениха Ксеніи, второй—царевича Федора. Оба—очень еще молодые артисты, оба—талантливые. На меня свѣжимъ, хорошимъ вѣяло со сцены, когда появлялись эти талантливые юноши, съ такою сердечностью и съ такимъ неподдѣльнымъ увлеченіемъ отдававшихся своему молодому творчеству.

Въ заключеніе—два слова о постановкѣ. Костюмы и декорации оставляли желать многого, массовыя сцены, кромѣ сцены первой картины, когда народъ стремится привѣтствовать новаго царя, прошли вяло, интересныя группы и mise en scène нѣтъ вовсе. Но и это все не измѣняетъ сказаннаго мной выше: труда затрачено много, старались быть возможно тщательными въ предѣлахъ отпущенныхъ средствъ, а если достигли немногаго, то по причинамъ болѣе глубокимъ, чѣмъ отсутствіе хорошихъ статистовъ или денегъ на новые костюмы. Эти причины—неимѣніе опыта и традицій въ дѣлѣ постановки русскихъ историческихъ пьесъ.

Я еще до сихъ поръ не писалъ объ „Антиговѣ“ на сценѣ театра г. Невмировича, а вотъ нѣсколько дней назадъ г. Константиновъ на сценѣ театра Борша изувѣчилъ „Сирано де Бержерака“. Этотъ великодушный рыцарь, этотъ нѣжный поэтъ, остававшійся невредимымъ въ схваткахъ одинъ противъ двадцати и павшій жертвой брошеннаго ему на голову полѣна, остался, какъ извѣстно, невредимымъ и послѣ того, какъ побывалъ въ передѣлкѣ у г-жи Яворской, погибъ безповоротно подъ ударами перевода и исполненія г. Константинова—исторія трогательная и поучительная...

Но она слишкомъ поучительная, и ей должно посвятить отдѣльное письмо...

Арсеній Г.

В. И. Живокхинъ.

(См. № 4 „Театръ и Иск.“).

ЛЮСИ.

Элегія.

(Изъ А. Мюссе).

Мои друзья, когда умру.
Пусть надъ могилою моею
Посадятъ иву; я люблю
Ея плакучую листву
И гибкость томную вѣтвей;
И будетъ тѣнь ея нѣжнѣй
Надъ той землей, гдѣ я усну...

* * *

Однажды вечеромъ, когда одни мы были,
Когда я близъ нея задумчиво сидѣлъ
И долго, пристально, безъ отдыха смотрѣлъ,
Какъ руки бѣлыя по клавишамъ скользили...
То — шепотъ былъ; казалось, что эфиръ
Вдали своимъ крыломъ задѣлъ тростникъ прибрежный.
Боясь тѣмъ шелестомъ, той музыкою нѣжной
Нарушить и смутить уснувшихъ птичекъ миръ.
Прохладной нѣгою задумчивыхъ ночей
Вокругъ насъ вѣяло изъ чашечекъ цвѣтовъ...
Вдали каштановъ рядъ, и вѣковыхъ дубовъ
Сѣнь частая росой обрызганныхъ вѣтвей...
Ночные звуки мы ловили въ тишинѣ;
Въ окно открытое къ намъ ароматъ вливался,
Долина ужъ спала... эфиръ не колебался...
Мы были молоды... вдвоемъ... наединѣ...
Я на Люси смотрѣлъ. О, какъ она свѣтла!
Ея глаза полны небесной глубиной!
И, упоенная красою неземною,
Ее одну любить моя душа могла.
Вокругъ нея все такъ дышало чистотою!
Я смѣлъ ее любить, какъ любить только брать.
Я любовался ей; въ молчаніи рукою
Я руку нѣжную, любимую ласкалъ;
Ея мечту печальную читалъ
Я на челѣ ея прекрасномъ. Надъ собою

Я власть невѣдомую чувствовалъ двухъ силъ:
То — молодость души и молодость лица,
Два вѣрныхъ признака, два нѣжныхъ близнеца
Спасительнаго счастья и покоя. —
Серебряная съ небесный сводъ одѣла,
Лишь на небо луна таинственно взопла...
Люси въ глаза мои съ улыбкою глядѣла,
И взоръ мой отразилъ родную красоту,
Улыбку ангела. Она запѣла...

Дитя тоски, гармонія святая!
Языкъ любви, Италіи, небесъ!
Языкъ сердецъ, въ которомъ мысль живая,
Какъ дѣва робкая, скользитъ, лицо свое
Заботливо, стыдливо закрывая.
Кто знаетъ, что дитя могло бы гонорить
Въ тѣхъ вздохахъ неземныхъ, рожденныхъ изъ эфира,
Какъ голосъ ласковыхъ, печальныхъ какъ дупа?
Въ нихъ взглядъ уловите, горячую слезу...
Но для толпы безчисленныхъ очей
Что остальное все? невѣдомая тайна,
Какъ тайна волнъ, и лѣса, и ночей...

Мы оба такъ грустны... вдвоемъ... наединѣ...
Ея романа звукъ въ моей душѣ дрожитъ,
И на плечѣ моемъ задумчиво лежитъ
Ея усталая головка... Ты страдаешь?
Не Дездемона-ль вздохъ таинъ въ своей душѣ
Ты, бѣдное дитя? — Ты плачешь. На устахъ,
Я на устахъ твоихъ любимыхъ, дорогихъ
Запечатлѣлъ нѣмой, печальный поцѣлуй...
Ты на него отвѣтила тоскою.
Я обнималъ тебя холодною, нѣмою...
О, чистый мой цвѣтокъ, ты умерла такою,
И колыбель твою, о, ангелъ мой, съ тобою
Къ престолу Господа была принесена.
Въ тайны чистыя той кровли, гдѣ живетъ
Невинность, сонъ любви, смѣхъ, нѣси, рѣчь дѣтей
И та, невѣдомая прелесть, безъ ваптиты,
Одна, своею силой колебаться ты
Заставишь Фауста у двери Маргариты...
Гдѣ ты теперь, невинность перныхъ дней?
Глубокій миръ душъ твоихъ, дитя!
Мелодіи святые позабыты.
Что изъ-подъ рукъ твоихъ рождались и лились,
И больше не смутятъ безмолвія ночей...

* * *

Мои друзья, когда умру,
Пусть надъ могилою моею
Посадятъ иву; я люблю
Ея плакучую листву
И гибкость томную вѣтвей;
И будетъ тѣнь ея нѣжнѣй
Надъ той землей, гдѣ я усну.

Елена Казберукъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Совѣтъ Русскаго Театральнаго Общества проситъ заявить, что въ убѣжищѣ имени Императора Александра III-го свободны двѣ мужскія и двѣ женскія пенсіонерскія вакансіи. Артисты, желающіе поступить въ это учрежденіе, должны подать прошеніи въ совѣтъ Общества, адресуя таковыя въ С.-Петербургъ, Невскій пр. № 44, Театральное Бюро. Условія пріема: наличность дѣйствительныхъ сценическихъ заслугъ и невозможность, по болѣзни или старости, продолжать свою профессиональную дѣятельность. Лица, требующія specialнаго ухода и присмотра, въ Убѣжище не принимаются.

* * *

Намъ пишутъ изъ Тулы, что юбилейное чествованіе г. Томскаго отлагается съ 4-го февраля на 22-ое.

* * *

28-го февраля состоялся бенефисъ г-жи Жулевой. Пьеса г-жи Смирновой „Девятый валъ“ и всѣ исполнители имѣли выдающійся успѣхъ. Подробности въ слѣдующемъ №.

* * *

Какъ слышно, г-жа Коминсаржевская возобновляетъ въ свой бенефисъ „Дикарку“.

* * *

Грибоѣдовская премія раздѣлена между „Борцами“ и „Джентльменомъ“. На конкурсъ было представлено 19 пьесъ.

* * *

„Царь Ѳеодоръ“ разрѣшенъ г. Соловцову. Такимъ образомъ, кромѣ столицъ, пьеса разрѣшена въ Киевѣ и Харьковѣ.

* * *

„Моск. Вѣдом.“ передаютъ, что г-жа Азогарова получила приглашеніе въ театръ Литературно-артистическаго Кружка. Позволимъ себѣ сильно усомниться въ томъ, чтобы этотъ ангажементъ состоялся. Изъ Москвы намъ пишутъ, что съ артисткой усиленно ведутъ переговоры М. М. Бородай съ одной стороны и дирекція Императорскихъ театровъ — съ другой, и послѣднее намъ кажется болѣе вѣроятнымъ.

* * *

Уходъ В. И. Лангаммера составляетъ фактъ рѣшенный. Новымъ режиссеромъ балетной труппы назначенъ Н. С. Аистовъ, вступающій въ отправленіе своихъ обязанностей съ 1-го февраля. Портретъ новаго режиссера будетъ помещенъ въ № 6 журнала.

* * *

Съ будущаго сезона талантливой нашей балеринѣ г-жѣ М. Кшесинской 2-й разрѣшенъ ежегодный бенефисъ, чему нельзя не сочувствовать. Г-жа Кшесинская 2-я пользуется нисколько не меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ любая иностранная балерина, а между тѣмъ, въ смыслѣ бенефиса, въ сопоставленіи съ иностранными балеринами, была обдѣлена.

* * *

Балетъ «Корсаръ» продолжаетъ дѣлать полные сборы. На второмъ представленіи этого балета, за болѣзнь г-жи Скорсюкъ, красивый *danse des Forbans* былъ выпущенъ совсѣмъ, а въ третьемъ спектаклѣ заболѣвшую артистку замѣстила г-жа Куличевская.

Болѣзнь г-жи Скорсюкъ породила много печальныхъ толковъ среди балетомановъ. Симпатичная артистка занемогла почти вдругъ и въ настоящее время ея болѣзнь внушаетъ даже опасенія за ея жизнь (острая и осложнившаяся форма воспаления легкихъ).

* * *

„Одес. Новости“ сообщаютъ новыя предположенія объ эксплуатаціи Одесскаго городского театра. Въ будущемъ году, какъ извѣстно, истекаетъ срокъ аренды антрепренера А. И. Сибирякова, но уже теперь поговариваютъ объ эксплуатаціи городского театра хозяйственнымъ способомъ. Предсѣдатель комиссіи по завѣдыванію городскимъ театромъ, В. В. Якунинъ, сообщилъ и сотруднику газеты, что система отдачи городского театра частному антрепренеру не даетъ желательныхъ результатовъ. Оперная труппа, приглашенная нынѣшнимъ антрепренеромъ, далеко не удовлетворительна. Антрепренеры постоянно жалуются на убытки и проч., а между тѣмъ есть полная возможность имѣть образцовую итальянскую (итальянскую, все-таки *quando teme?*) оперу, не въ ущербъ доходности театра. По окончаніи аренды г. Сибирякова, труппа мѣстныхъ общественныхъ дѣателей беретъ на себя отвѣтственность по эксплуатаціи городского театра и намѣрена, въ случаѣ убытковъ, пополнить ихъ изъ своихъ средствъ. Въ составъ этой группы, какъ слышно, выразили желаніе вступить, между прочимъ, бывшій городской голова Г. Г. Марazzi, графъ М. М. Толстой, В. В. Якунинъ и друг. Завѣдываніе дѣлами театра можно будетъ поручить опытному лицу по выбору города. Въ непродолжительномъ времени этотъ будетъ вопросъ представленъ думѣ.

* * *

У насъ было приведено стихотвореніе, приписываемое Рошину-Инсарову. Въ послѣдствіи въ газетахъ сообщалось, что стихотвореніе это будто бы Алухтина. Ни того, ни другого. Намъ доставлено однимъ изъ нашихъ подписчиковъ письмо покойнаго Рошина-Инсарова слѣдующаго содержания: „М. Г. Борисъ Михайловичъ! Спѣшу исполнить Вашу просьбу—посылаю стихи. Въ печати ихъ вѣтъ. Стихотвореніе это—экспромтъ Г. А. Липина, сказанный въ товарищеской компаніи“. Вопросъ такимъ образомъ рѣшенъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Вильны. Дѣла нашей антрепризы очень хороши. Повышенье сборовъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что по распоряженію администраціи, закрыты мѣстные кафешантаны, въ которыхъ увеселялась наша публика. Какъ слышно, К. Н. Незлобинъ будетъ продолжать дѣла и постомъ. Между прочимъ, на двѣ недѣли г. Незлобинъ выписывается на гастроли г-жу Коммисаржевскую. На лѣто К. Н. Незлобинъ заарендованъ Бѣлостокскій театръ, выстроенный въ прошломъ году.

* * *

18-го января въ циркѣ бр. Никитиныхъ въ Тифлисѣ съ гимнасткой Паулиной (бѣдная Паулина!) произошелъ слѣдующій трагическій случай. Несчастная Паулина въ этотъ вечеръ какъ-то неохотно вышла „на работу“ и поднялась на трапецію. Въ заключеніе своего номера она, по обыкновенію, надѣла на ноги особые металлическіе башмаки, вращающіеся вокругъ перекладины трапеціи и придерживаемые желѣзными кольцами, надѣтыми на эту перекла-

дину, застегнула имѣющіеся у башмаковъ ремни и стала вращаться при свѣтѣ бенгальскихъ огней. При сильномъ вращеніи каблучки башмаковъ и припшитые къ нимъ ремни оторвались, и она стремительно полетѣла внизъ съ четырехсаженной высоты, мимо сѣтки, и упала на землю головою. Прибывшему врачу осталось только констатировать смерть, которая послѣдовала моментально—отъ кровоизліянія въ мозгъ. Въ ушахъ у несчастной показалось нѣсколько капель крови. Трупъ покойной былъ перевезенъ въ гостиницу „Россія“, гдѣ она жила. Полиціею немедленно былъ составленъ протоколъ и судебный слѣдователь приступилъ къ слѣдствію. Возмутительно то, что послѣ этого несчастія публика оставалась въ циркѣ и представленіе не было прекращено. Вслѣдъ за смертью гимнастки на арену цирка вышли клоуны и продолжали потѣшать публику.

Таковы цирковые нравы, таково благотворное воздѣйствіе цирка на нравы. Быть можетъ, не лишнимъ дополненіемъ къ этой ужасной цирковой картинѣ послужитъ другая, болѣе веселая, но также, нельзя сказать, чтобы благотворная. Вотъ что пишетъ намъ нашъ корреспондентъ изъ Сызрани:

„17 января въ нашемъ циркѣ была поставлена большая комическая сцена съ танцами—знаменитая итальянская прима-балерина Цукки“ (пародія). Этотъ № исполняется М. И. Абабевымъ-Чарскимъ и вызываетъ неудержимый смѣхъ у публики. „Оригинально! Ново! Забавно!“ Въ краткихъ словахъ пародія заключается въ слѣдующемъ. На арену цирка выходитъ Абабевъ-Чарскій, въ костюмѣ балерины, и начинаетъ „откалывать“ (болѣе подходящаго выраженія я не нашелъ) *adagio*, въ концѣ котораго дѣлаетъ попытку встать на голову, поднимая вверхъ ноги; затѣмъ идетъ вальсъ, который оканчивается тѣмъ, что г. „артистъ“ садится на стулъ и поднимаетъ, чтобы обмахнуться, юбку костюма на высоту головы.

Неужели нельзя обуздать цирковыя выходки? Всему должно быть предѣлъ! Хорошо должны отзываться такіе представленія на молодомъ поколѣніи...

Не хотите ли полюбоваться, какъ этотъ господинъ о себѣ пишетъ. „Бенефисъ пзвѣстнаго 1-го русскаго дамскаго имитатора, русско-еврейскаго комика куплетиста, бала-лаечника, неподражаемаго исполнителя характерныхъ танцевъ, мимиста М. И. Аб.-Чар., любимаго сызранской публики“.

Вотъ чѣмъ кормится Сызрань.

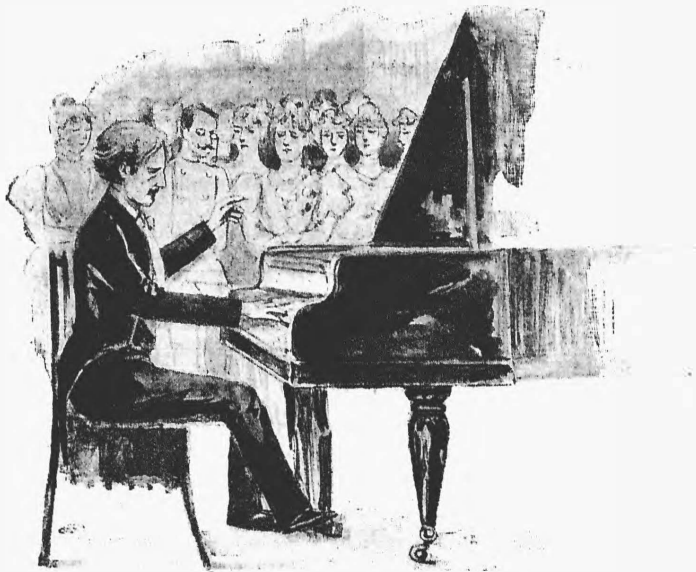
* * *

А. А. Плещеевъ, авторъ извѣстной книги „Нашъ балетъ“, выпустилъ надвѣхъ второе, значительно дополненное изданіе своего сочиненія, представляющее солидный трудъ по исторіи русскаго театра.

Оставляя пока въ сторонѣ достоинства этой книги, нельзя не отмѣтить интереса, обнаруженнаго нашей читающей публикой и вызвавшаго второе изданіе сочиненія г. Плещеева. Оказывается, что наша публика питается не одними рецензіями, но порой не прочь заглянуть и въ исторію театра, чтобы провѣрить свои впечатлѣнія историческими фактами, и такимъ образомъ судить объ успѣхахъ нашего театральнаго дѣла. Явленіе во всякомъ случаѣ давно желанное и для всѣхъ пріятное. Думаю также, что г. Плещеевъ, занявъ себя съ самой выгодной стороны при выпускѣ въ свѣтъ перваго изданія своего сочиненія, много облегчилъ задачу для себя и для „гражданинъ“ историковъ театра, возбудивъ въ публикѣ интересъ къ этой заброшенной области нашей литературы.

О вѣрности этой прекрасной книги говорить не приходится: она можетъ служить наряднымъ украшеніемъ любой гостиной, а въ библиотекѣ балетомановъ займетъ самое видное мѣсто. Но о содержаніи ея слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить кропотливую, чрезвычайно осторожную работу автора въ пользованіи историческими матеріалами. Факты сгруппированы очень умно и избобидуютъ множествомъ весьма остроумныхъ гипотезъ. Какъ видно изъ многочисленныхъ ссылокъ, г. Плещеевъ пользовался въ этой части своего сочиненія указаніями такого знатока, какъ М. И. Пыляевъ и др. лицъ, знающихъ „забытое прошлое“ нашей театральной старины. Все это, однако, прошло черезъ критерій собственнаго сужденія и приобрѣло внутреннюю связь со второй, вполне самостоятельной частью работы, гдѣ г. Плещеевъ является всегда очень тонкимъ и остроумнымъ критикомъ хореграфическаго искусства. Самое искусство, которому онъ посвятилъ такое пространное изслѣдованіе, не можетъ желать болѣе мягкаго и деликатнаго судьи. Его отзывы полны снисходительности и добродушія, а порицанія дышатъ такимъ безобиднымъ юморомъ, который лучше всякихъ „сильныхъ“ словъ опредѣляетъ смѣшную сторону предмета и невольно вызываетъ улыбку у читателя.

Книга посвящена г. Скальковскому. Этотъ искусный

Концертъ г. Падеревского.
(Рис. П. Ассатунова).

въ писаніяхъ балетный критикъ предпослалъ книгѣ г. Плещеева тяжеловѣсное предисловіе, изобилующее техническими терминами, что придаетъ большой престижъ глубоко-мысленнымъ сужденіямъ. Тутъ, разумѣется, и Леметръ, и Галевн, и французскій посланникъ,—однимъ словомъ, обычная партія г. Скальковского, когда онъ играетъ въ вистъ. На протяженіи четырехъ страницъ онъ, однако, обмолвился однимъ весьма удачнымъ замѣчаніемъ, сказавъ, что изъ „искусства хореографіи“ выдѣляется поэзія самая возбуждающая, suggestive—какъ говорить теперь, богатая образами и переносящая насъ въ область мечтаній и иллюзій“. Вотъ именно этимъ то suggestive и отличается слогъ г. Плещеева. Онъ умѣетъ заинтересовать читателя легкой, фелъетонной формой своего разсказа, а въ такой формѣ только и мыслимо говорить о балетѣ въ наше время. Книга г. Плещеева читается, какъ хорошо написанный романъ, въ которомъ серьезное перемежано съ веселымъ и надъ которымъ то смѣешься, то задумываешься...

Къ книгѣ приложено множество прекрасно исполненныхъ снимковъ съ рѣдкихъ старинныхъ гравюръ и портретовъ, а для любителей изящнаго имѣется такая внушительная коллекція хорошихъ головокъ, которая можетъ легко вызвать приливъ поэтическаго вдохновенія. И г. Плещеевъ весьма кстати приводитъ въ концѣ своей книги нѣсколько веселыхъ, остроумныхъ „выршей“ балетоманской музы, гдѣ воспѣваются глазки и лапки хорошихъ танцовщицъ. И все это у него такъ удачно перемежано вмѣстѣ: глазки и лапки, лапки и глазки, а въ промежутки полоска стиховъ и чей-нибудь колкій экспромтъ...

Юр. В.—в.

* * *

Мы получили слѣдующую замѣтку:

«Замѣтка въ № 3-мъ вашего журнала по поводу празднованія 25-ти лѣтняго юбилея газеты «Одесскій Листокъ», меня покорила ироническимъ тономъ по отношенію къ моимъ землякамъ, артистамъ-малоруссамъ.

Странно, въ самомъ дѣлѣ: у насъ существуютъ въ Россіи нѣмецкая, французская и проч. драмы, и никто не смѣется надъ этимъ, а многіе, напротивъ, даже восхищаются и часто больше, чѣмъ своей русской драмой; а въ малороссійской, молъ, ничего нѣтъ, кромѣ «гопака и горілки». Словомъ, искусства въ ней ни на грошъ. Что же такое искусство? Неужели оно можетъ передаваться только на русскомъ языкѣ? Искусство помогаетъ смягчать, облагораживать наши дикіе нравы, бичуя и осмѣивая на сценѣ пороки и страстишки. А вѣдь это возможно на какомъ угодно языкѣ, хотя бы даже на табарарскомъ нарѣчій. Вѣдь существуетъ цѣлая «малая Россія», которой хотѣлось бы услышать на сценѣ свое родное слово. Вы будете говорить объ узости малорусской драмы, но тогда уже придется заговорить и объ узости, вообще, народной жизни; обогатить ее, и тогда сама собою обогатится и народная литература. Я вовсе не украинофилъ, изъ малорусскихъ книгъ имѣю только «Кобзаря», но все-таки и «своего не цураюсь», слѣдуя завѣту Т. Шевченка. Ни въ коемъ случаѣ нельзя отрицать въ малорусской драмѣ искренности, правды въ изображеніи дѣйствительности, а въ искренности, по выраженію Карлейля, уже есть «нѣчто божественное». Теперь, среди малорусскихъ артистовъ есть и истинные таланты, есть много преданныхъ своему дѣлу и неустанно работающихъ, подобно

тому, какъ много есть среди русскихъ артистовъ бездарныхъ господъ, идущихъ подъ суфлера».

На прямое и честное слово отвѣтимъ такъ же честно и прямо. Да, мы „цураемся“ малороссійской драмы и относимся къ ней пропически. „Божественная искренность“ малороссійской драмы находится у насъ подъ сильнымъ подозрѣніемъ, ибо въ ней гораздо больше декоративности, нежели художественнаго, хотя бы и наивнаго слова. И мы не считаемъ гг. малороссійскихъ авторовъ наивными... о, далеко нѣтъ! Это—литературно-сценическая спекуляція на украинофильскіе восторги и этнографическій интересъ. А такъ какъ театръ въ нашихъ глазахъ большое и значительное дѣло—по крайней мѣрѣ, такимъ онъ долженъ быть—и такъ какъ живописный по внѣшности и ничтожный по внутреннему содержанію, репертуаръ малорусскаго театра отзывается, особенно въ глухой провинціи, преобладающе на репертуарѣ русскомъ и европейскомъ, то мы откровенно заявляемъ, что видимъ въ малорусскомъ театрѣ большое зло, какъ видимъ его въ еврейскихъ спектакляхъ, на жаргонѣ, какъ видимъ бы его въ процвѣтаніи какой-нибудь труппы, играющей на Platt-deutsch свой спеціальныи репертуаръ. Если малорусскій театръ нуженъ гдѣ-нибудь, такъ это въ малорусской деревнѣ, гдѣ народъ могъ бы понимать его. Но вѣдь меньше всего гг. Кропивницкіе и Карпенки-Каріе просвѣщаютъ народную массу, а все больше „интеллигентовъ“, у которыхъ 20-го числа бываютъ денежки, да еще купцовъ, для которыхъ малорусскій театръ представляетъ переходную ступень отъ цирка къ театру, въ художественномъ и литературномъ значеніи этого слова.

* * *

Нашъ постоянный музыкальный критикъ, не успѣвшій за отъѣздомъ, доставить намъ рецензію о г. Падеревскомъ, прислалъ нѣсколько заднимъ числомъ замѣтку, которую, повинуясь призыву нами за правило, началу свободной критики, мы охотно даемъ мѣсто:

Громъ аплодисментовъ, дождь цвѣтовъ, безконечный рядъ вѣнковъ, бурныя оваціи и неистовый ревъ психонатовъ, безъ которыхъ, впрочемъ, не обходится у насъ ни одно публичное соствоаніе—такова картина Дворянскаго Собранія,—картина, совсѣмъ необычная для нашей концертной публики. По крайней мѣрѣ, ни одна изъ знаменитостей, перебивавшихъ у насъ за послѣдніи тридцать лѣтъ, начиная съ Рубинштейна и кончая Гофманомъ, не удостоивалась такого восторженнаго пріема, граничащаго съ изступленіемъ свистопляски. Но въ то время, какъ въ концертахъ Рубинштейна, Листа, Геймана, Платъ, юнаго д'Альбера, Гофмана, вся публика, охваченная общимъ чувствомъ восторга, какъ одинъ человѣкъ, разражалась единодушными рукоплесканіями, въ концертѣ г. Падеревскаго свирѣствовала собственно лишь часть публики, остальная же часть,—если не считать безразличную толпу, слѣдующую, по табунному чувству, всегда за большинствомъ,—не только не примкнула къ этому безпримѣрному въ нашихъ концертныхъ лѣтописяхъ „апофеозу“, но, напротивъ, возмущалась, негодовала и протестовала. Дѣло въ томъ, что оваціи эти относились не къ музыканту-художнику, а къ знаменитому поляку, и апофеозъ этотъ устроила не публика, а польская колонія въ Петербургѣ. Эта чуждость къ знаменитымъ сородичамъ дѣлаетъ честь членамъ нашей польской колоніи и свидѣтельствуеетъ о высокомъ развитіи среди нихъ общественаго самосознанія. Но это качество не имѣетъ ничего общаго съ музыкальнымъ искусствомъ, а потому, надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня, если, минуя политическую сторону манифестаціи, перейду прямо къ музыкальному разбору концерта.

Г. Падеревскій пользуется громкою извѣстностью въ Англіи и особенно въ Америкѣ. О его успѣхахъ въ странѣ долларовъ и рекламныя газеты то и дѣло сообщали чудеса въ рѣшетѣ. И хотя музыкальный вкусъ доблестныхъ янки и просвѣщенныхъ морепланателей находится подъ большимъ сомнѣніемъ, тѣмъ не менѣе любознательство публики было сильно возбуждено. Хотѣлось провѣрить, имѣемъ ли мы дѣло съ несомнѣннымъ талантомъ или талантивою... рекламою. Оказалось, что и въ нашей столицѣ много американцевъ—не по предприимчивости и энергіи, а по антимузикальности,—и что американская реклама у насъ не менѣе могущественное средство, чѣмъ на ея родинѣ.

Г. Падеревскій вполне усвоилъ блестящія свойства школы Лешетицкаго. У него прекрасный тонъ, красивый ударъ и превосходное туше. Техника его, во многихъ отношеніяхъ, недюжинная, хотя пассажи далеко не безупречны. Въ передачѣ замѣтно заботливое стремленіе къ изяществу, но это изящество «ишюта», а не художника. Г. Падеревскій напоминаетъ бульварнаго щеголя съ необыкновеннымъ пиастромомъ, особенными отворотами смокинга, чрезвычайными штиблетами. У него все экстравагантно, начиная отъ внѣшнихъ манеръ, не чуждыхъ фатовства, и кончая фразировкою. Его фразировка способна привести въ отчаяніе человѣка съ музыкаль-

нимъ вкусомъ. Она лишена всякой музыкальной логики. Въ его передачѣ мелодическій рисунокъ теряетъ совершенно опредѣленность очертаній и расплывается въ нѣчто хаотически-безформенное и нелѣпое. Я не знаю игры болѣе антиритмичной, чѣмъ у г. Падеревскаго, и замѣтите, это вовсе не та капризность ритмовъ, которая часто неразлучна съ движеніями взволнованной души художника. «Взволнованность» менѣе всего присуща г. Падеревскому, исполненіе котораго отличается поразительнымъ отсутствіемъ настроенія. Нѣтъ, это просто отсутствіе чувства ритма въ его самой элементарной формѣ и болѣе ничего. Къ этому слѣдуетъ добавить однообразіе колорита, неизмѣнно разслабленного и мягко-женственного.

Лучше всего г. Падеревскій исполнилъ фугу Баха, въ которой заслуживало вниманія ясное выдѣленіе темъ изъ-подъ полифонической оболочки. Относительно хорошо сыгранъ былъ вальсъ Шопена. Но все остальное—и особенно соната (ор. 111) Бетховена—исполнено было ниже всякой критики. «Шикъ, блескъ, immer elegant»—качества слишкомъ недостаточныя для художественности впечатлѣнія, и фейерверкомъ эффектныхъ glissando, бѣшеныхъ темповъ и экстравагантныхъ паузъ не подкупить музыкально-образованнаго слушателя. П. Киорзовскій.

* *

Небезызвѣстные малороссійскіе артисты Е. П. Боярская и Л. Я. Манько, недавно праздновавшіе въ московскомъ театрѣ «Акваріумъ» 15-лѣтіе своей дѣятельности, заключили контрактъ съ дирекціей театра Корша на будущій сезонъ. Переходъ этой артистической четы на русскую сцену является въ нѣкоторомъ родѣ событіемъ въ жизни малоросскаго театральнаго міра.

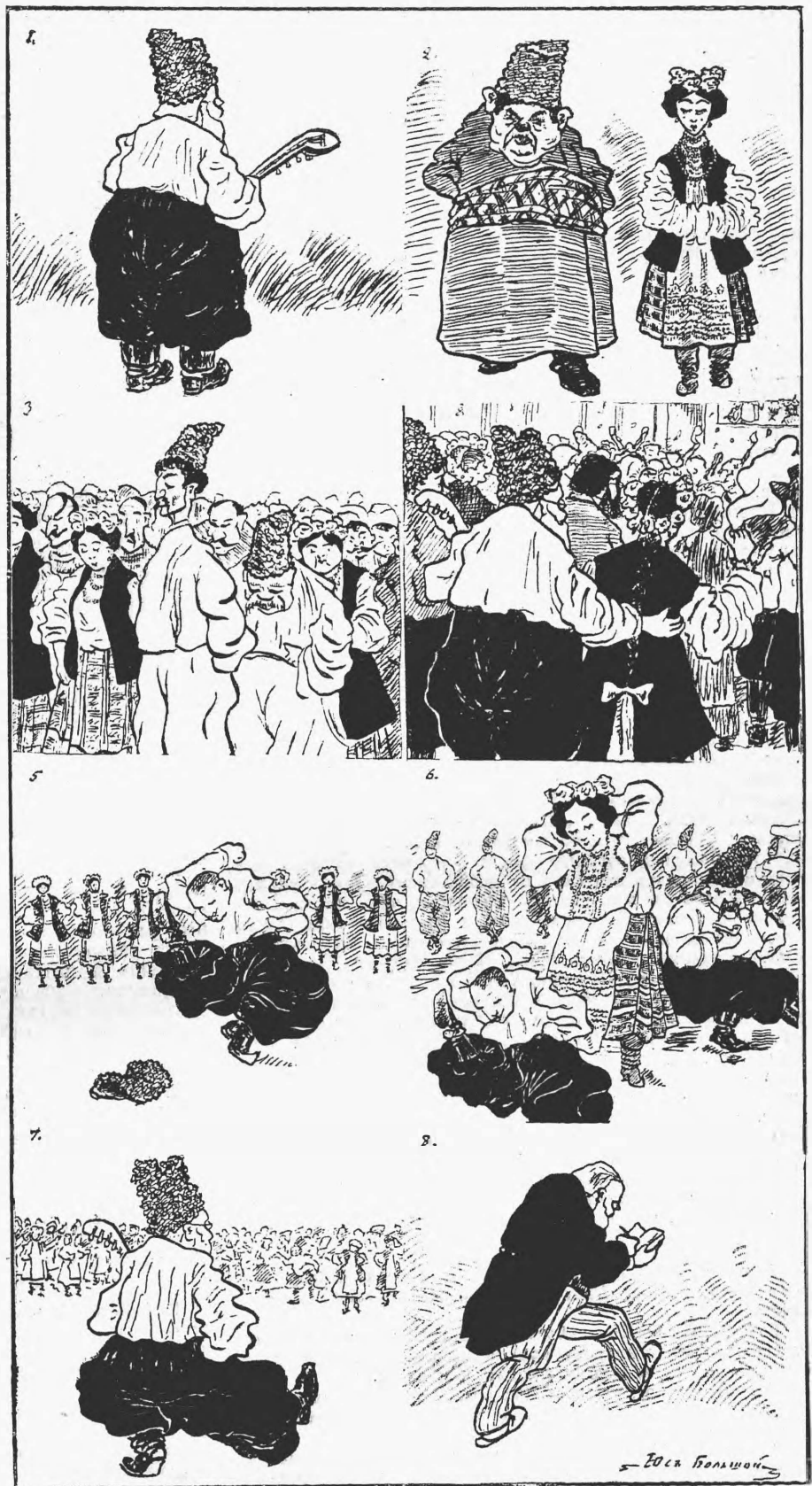
* *

Въ Нижнемъ-Новгородѣ маленькій «кризисъ»: коллективная отставка театральнаго комитета.

«Нижегород. Листокъ» по этому поводу не безъ остроумія замѣчаетъ: «Комитетъ занимался тѣмъ, что изъ всѣхъ существующихъ въ разныхъ городахъ инструкцій театральнымъ комитетамъ выбиралъ все то, что давало членамъ комитета права, а затѣмъ изъ всѣхъ этихъ выборокъ составилъ инструкцію себѣ самому. Что это за инструкція! Въ ней такъ и сквозитъ достопочтенный мистеръ Пиквикъ, достигшій въ своемъ клубѣ высшей славы и званія почетнаго члена. Даже уборная артистокъ не были оставлены безъ вниманія, и комитетъ выговаривалъ для своихъ членовъ (въ инструкціи не сказано—всѣмъ вмѣстѣ или по одному, по очереди) право входа въ эти уборныя во всякое время».

* *

Нельзя не отмѣтить съ удовольствіемъ, что Артистическій кружокъ, не ограничиваясь пьесами шаблоннаго репертуара, ставитъ иногда пьесы серьезные и литературныя. Если люди интересуются искусствомъ ради него самого, если они, дѣйствительно любители драматическаго иску-

Шалости стараго діда.

(Изъ альбома Юса Вольшого).

1) Прочелъ я, старый дідъ, въ газетахъ, шо сегодня у насъ въ Петербургѣ хохлы играютъ... 2) И якіе хохлы? Кропивныцкій и Заньковецкая... 3) Одилъ я, старый дідъ, бекешу съ сѣрыми смухками, шаровары, взялъ бандуру, тай пішелъ на вечерніи... Здорово, панове! Добрий вамъ вічірь! 4) И шо за вічірь, шо за публика! Зусимъ якъ у насъ на Украйні! И якъ хохловъ шановали, якъ встрѣчали! 5) И передъ тѣмъ какъ опуститься занавѣсу, что такое выплясывалъ «очень молодой» человекъ. 6) А потомъ пішла плясать Заньковецкая, тай ще одинъ чумаць! Стала публика кричать, стала прыгать въ оркестръ и качать Кропивныцкаго, а потомъ снова плясать, усе вмѣстѣ. 7) Тутъ и я, старый дідъ, не выдержалъ, и тоже заплясалъ. «Мы, южане, не то, что вы!..» 8) Пришелъ домой, сталъ писать, а самъ все пляшу, пляшу, пляшу!.. Такъ бы до самой смерти и плясалъ, гадушку вамъ въ ротъ со сметаной! (См. „Нѣв. Вр.“ отъ 23 янв.).

ства,—то имъ гораздо интереснѣе работать надъ пьесой или ролью, заслуживающими вниманія. Насъ всегда удивляетъ, почему на любительскихъ спектакляхъ такъ часто ставятъ вздорныя пьесы? Развѣ это интересно играть? Развѣ надъ этимъ стоитъ тратить время?—Нечего прибавлять, конечно, что рѣчь въ настоящемъ случаѣ идетъ о серьезныхъ любительскихъ кружкахъ, къ числу которыхъ надо отнести и Артистическій кружокъ. Къ исполнителямъ этого кружка мы вынуждены предъявлять гораздо большія требованія, нежели къ обыкновеннымъ „любителямъ“, терзающимъ публику. Въ Артистическомъ кружкѣ дѣло поставлено довольно серьезно: имѣется особый комитетъ, завѣдующій репертуаромъ, недурной режиссеръ и почти организованная труппа.

Въ послѣдніе два „вечера“ кружокъ ставилъ: „Каменнаго гостя“, въ память Пушкина, и „Въшенныя деньги“. Въ „Каменномъ гостѣ“ Донъ-Жуана изображалъ г. Берниковъ, недурно читавшій пушкинскіе стихи и умѣло носившій испанскій костюмъ, а Ленорелло — г. Новгородскій, лучший комикъ кружка. Въ „Въшенныхъ деньгахъ“, какъ и въ „Каменномъ гостѣ“ мужчины играли лучше дамъ: г. Берниковъ (Телятевъ), г. Новгородскій (Кучумовъ), г. Муравьевъ (Васильковъ) и г. Трапизъ (Глумовъ) хорошо справились со своими ролями и заслужили одобреніе поспѣшителей „кружка“.

Гр. В-скій.

* * *

Спектакли, устраиваемые петербургскимъ попечительствомъ о народной трезвости съ 17-го января въ Михайловскомъ манежѣ по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ (утро и вечеръ) привлекаютъ каждый разъ массу зрителей. Мѣста передъ сценой покупаются заранее, и у этого театра уже образовалась такъ называемая своя публика. И дѣйствительно, надо отдать справедливость и администраціи, и исполнителямъ: спектакли идутъ гладко и съ большимъ ансамблемъ. Поставленные мелодрамы „Хижина дяди Тома“, „Парижскіе нищіе“, а также „Самоуправцы“ Писемскаго и обстановочныя пьесы: „Русскія святки“ и „Дѣдушка русскаго флота“ играютъ труппою попечительства, какъ дай Богъ на любой сценѣ. Одинъ упрекъ могъ бы быть сдѣланъ репертуару: почему, чуть не исключительно придерживаться мелодрамъ и обстановочныхъ пьесъ, отчего бы не включить въ репертуаръ пьесы Островскаго? Обладая такими артистическими силами, какъ гг. Печоринъ, Скаритинъ, Вольфъ, Шуминъ, Алашеевскій, Санинъ и г-жамъ Райдиной, Карсаковой, Ивиной, Сахаровой, Романовской, труппа попечительства могла бы, исполняя Островскаго, быть вполне на высотѣ своей задачи. Къ цѣлямъ же театра Островскій подходитъ какъ нельзя болѣе. Кромѣ названныхъ выше пьесъ ставится также опера „Аскольдова могила“, въ которой очень мило исполняются главныя партіи г-жею Вороновой и гг. Короленько и Малыгинымъ. Въ антрактахъ публикѣ показывается живая фотографія. Изъ феерій наибольшимъ успѣхомъ пользуются „Аленькій цвѣточекъ“ и балетъ „Кукольная фея“. Театръ же на бывшемъ стеклянномъ заводѣ, какъ слышно, будетъ готовъ къ масляной недѣлѣ. Для открытія предполагаются или „Ревизоръ“, или „Горе отъ ума“. Н.

* * *

Василеостровскій театръ. 25-го января состоялся бенефисъ г-жи Прокофьевой. Шла драма Сумбатова „Листья шелестятъ“.

Роль Вари г-жа Прокофьева провела достаточно хорошо, на сколько это возможно при недостаткахъ и нѣкоторой искусственности, которыми грѣшитъ вся драма.

У г. Мартынова, въ роли Аркадія Степановича, слишкомъ искусственно-театральный тонъ, который нерѣдко портитъ все впечатлѣніе.

Г. Лирскій-Муратовъ недуренъ въ роли Березовкина. Вообще, роли фатовъ для него пригоднѣе, нежели драматическихъ героевъ. Въ роли Парашинной выступила г-жа Трефилова I, всегда безукоризненная въ роляхъ комическихъ старухъ. Бенефицианткѣ были громкія оваціи и подношенія. Водевиль же, послѣ 5-ти актной драмы, былъ совершенно лишнимъ: страшно затянули спектакль и утомили публику.

В. Г—ій.

* * *

Оперные спектакли, устраиваемые въ залѣ В. Н. фонъ-Дервизъ, привлекаютъ такое множество публики, что мѣста приходится брать заранее, а получаешь ихъ съ большимъ трудомъ. Причина успѣха въ добросовѣстномъ исполненіи и внимательномъ отношеніи къ дѣлу. Труппа организована такъ умѣло, что недочетовъ не бываетъ, и каждый исполнитель несетъ отвѣтственность за свою партію. Прекрасный оркестръ вполне способствуетъ успѣху артистовъ.

Богемскій квартетъ.

К. Гофманъ.
Г. Виганъ.

О. Недбалъ.
І. Сукъ.

Въ субботу, 23-го января, товарищество поставило „Фауста“ Гуно, съ слѣдующимъ распределеніемъ ролей: Фаустъ — г. Карклинъ, Маргарита — г-жа Кунцева, Мефистофель — г. Дунаевъ, Валентинъ — г. Эгизаровъ и Зибель — г-жа Покровская. Всѣ исполнители имѣли большой, вполне заслуженный успѣхъ. Старая опера Гуно прошла съ такимъ ансамблемъ, которому можетъ позавидовать любая частная опера. Особенно выдѣлялись г-жа Кунцева (Маргарита) и г-жа Покровская (Зибель). Чистый свѣжій голосъ послѣдней удивительно звучалъ въ этотъ вечеръ и маленькая партія Зибели стяжала г-жѣ Покровской большой успѣхъ. Типиченъ былъ въ роли Мефистофеля г. Дунаевъ, его сильный отлично поставленный голосъ, превосходный гримъ и обдуманная игра достойны полной похвалы. Хоры, не великіе по численности, или, однако дружно. Оркестръ велется прекрасно.

Музыкальная библиографія.

Романсы и мелодраматіи А. Таскина (Изд. Ю. Г. Циммермана въ СПб.).

Въ новыхъ лирическихъ произведеніяхъ г. Таскина съ удовольствіемъ отмѣтимъ стремленіе къ большей простотѣ изложенія. Въ первыхъ романсахъ его бросалась въ глаза изысканность гармонизаціи; композиторъ въ погонѣ за новизной, очевидно, заблуждался въ дебряхъ созвучій. Новые романсы болѣе искренни, нежели прежніе, а поэтому и лучше. Г. Таскинъ обладаетъ хорошими техническими познаніями для этого рода творчества, и потому охотно пользуется имъ, когда его покидаетъ мелодическая изобрѣтательность, не очень разнообразная и богатая. Во всякомъ случаѣ, стремленія автора заслуживаютъ похвалы, равно какъ и отдѣлка. Аккомпаниментъ разнообразенъ по рисунку, иллюстрируетъ текстъ и настроеніе. Въ романсахъ г. Таскина проскальзываетъ и постороннее вліяніе, но кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ? Обращаемъ вниманіе на романсы: „Ароматная ночь“, „Я стою у окна“, „Поскорѣй окно раствори“, „Смотри, вонъ облако“. Пѣвцы и пѣвицы смѣло могли бы поразнообразить репертуаръ поименованными романсами г. Таскина.

Романсы и дуэты М. М. Иванова (Изданіе Ю. Г. Циммермана въ СПб.).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ издатель Циммерманъ выпустилъ въ свѣтъ четыре романса М. М. Иванова, а нынѣ прибрѣлъ у автора еще двѣнадцать новыхъ, которые недавно и

поступили въ продажу. Намъ кажется, что новымъ романсамъ М. Иванова можно предсказать полный успѣхъ, а романсу «По шопоту глубокой тишины» — популярность. Отметимъ мелодичность и вѣрную его передачу настроенія въ романсахъ автора «Забавы Путятишны» и пожелаемъ его новымъ произведениямъ широкой извѣстности. Очень хорошо, что композиторъ пополнилъ репертуаръ и дуетами, коими мы не особенно богаты. Это обстоятельство даетъ пѣвцамъ возможность позабыть заѣзженные дуэты, съ которыми они изъ году въ годъ появляются на концертныхъ островахъ. Вотъ названія нѣкоторыхъ романсовъ и дуэтовъ: «Весла спустивъ», «Утро», «Далеко, на самомъ морѣ», «По шопоту глубокой тишины», «Вотъ бѣдная чья-то могила».

Tritonus.

Музыкальныя замѣтки.

Встрѣченный дружными аплодисментами всей залы, Гансъ Рихтеръ могъ убѣдиться, что наша публика не забываетъ тѣхъ художниковъ, которые ей когда либо доставляли часы эстетическаго удовольствія. Къ чести нашей публики, скажемъ также, что «американскія» рекламы ею слѣпо не санкціонируются и что заокеанская слава у насъ въ кредитъ не принимается; мы требуемъ, чтобы товаръ намъ показанъ былъ лицомъ, а это сдѣлалъ въ прошломъ году Рихтеръ, когда дирижировалъ „Мейстерзингерами“ и „Лоэнгриномъ“. Это были представленія, которыя не скоро изгладятся изъ памяти! Нашъ оперный оркестръ, при всей грузности вагнеровской инструментальной, нигдѣ не заглушалъ пѣвцовъ и замиралъ въ такихъ инанисимо какіхъ-то, намъ не приходилось слышать; а Лоэнгринъ, въ интерпретаціи Рихтера, явился для насъ чѣмъ-то новымъ, настолько концепція и темпы разнились отъ тѣхъ, передъ которыми въ Маринискомъ театрѣ всѣ безпрекословно должны преклоняться, какъ нѣкогда передъ плюмажемъ Гесслера. Рихтеръ былъ тогда въ восторгѣ отъ нашего опернаго оркестра, который какъ нельзя лучше служилъ ему для истолкованія вагнеровскихъ партитуръ. Встать во главѣ этой славной артистической корпораціи ему во второй прѣздъ не удалось, такъ какъ въ день концерта оркестръ былъ занятъ казенной службой и ему пришлось удовольствоваться такъ называемымъ „сборнымъ оркестромъ“; но это обстоятельство еще рельефнѣе выставило его какъ рѣдкаго дирижера. Его псыгрававшая инструментальная армія, увлекаясь, послушно шла за нимъ и выполняла малѣйшія его намѣренія. Отдѣльные недочеты въ деревянной и мѣдной группахъ мы не будемъ ставить оркестру въ упрекъ. Если вспомнить, какъ тотъ же оркестръ еще недавно игралъ подъ управленіемъ Ф. Блюменфельда въ экстренномъ собраніи Муз. Общ-ва, то не удивитесь, что изъ него сдѣлалъ Рихтеръ. Правда, программа концерта заключала въ себѣ новыхъ или мало иггранныхъ произведеній, но имена композиторовъ, которыя ее украшали — имена громкія и славныя.

Вступленіе къ „Мейстерзингерамъ“ Вагнера, было покрыто шумными одобреніями и нѣкоторые храбрцы требовали даже повторенія, на что дирижеръ благодарно не согласился. Темпы вступленія Рихтеромъ берутся болѣе оживленные чѣмъ обыкновенно, но ему и книги въ руки, — вагнеровскія намѣренія должны быть ему близко извѣстны. Филлигранная контрпунктическая разработка удалась съ замѣчательной отчетливостью, но уху, конечно, доступны лишь вступленія тѣхъ темъ, сопоставленіе которыхъ, въ партитурѣ, изумляетъ глазъ. Размѣръ и построение этого вступленія таковы, что оно болѣе подходит къ рамкамъ увертюры, ибо типичная форма вагнеровскихъ вступленій („Лоэнгринъ“, „Тристанъ“), построенная на разработкѣ одного мотива, совершенно отсутствуетъ. Название „Vorspiel“ очевидно имѣетъ у Вагнера растяжимое значеніе. За названнымъ произведеніемъ слѣдовало вступленіе и Liebestod изъ Тристана. Эти два симфоническихъ отрывка лучшія страницы музыкальной драмы, а Liebestod, поэтичнѣе произведеніе музыкальной литературы вообще. Наростанія, секретъ коихъ открылъ Вагнеръ, прямо поразительны. Нечего и говорить о томъ, что оба отрывка были отлично проведены и что поднесенный дирижеру, обвитый лентами національныхъ цвѣтовъ, лавровый вѣнокъ, имъ вполне былъ заслуженъ. Напримѣръ Глинки на темѣ Iota aragonesa одно изъ сокровищъ не только русской но и инструментальной литературы вообще. Рихтеръ отнесся къ нашему Глинкѣ съ замѣтной любовью и отънесъ его произведеніе съ большимъ мастерствомъ. Напримѣръ было повторено. Неоконченная симфонія Шуберта и увертюра „Леонора № 3“ составляли остальную часть инструментальной программы. Эти два безсмертныхъ отрывка

преждевременно скончавшагося композитора были выслушаны съ затаеннымъ дыханіемъ. Сколько музыки въ этой симфоніи! Какъ обаятельна напр. побочная партія первой части: она полна тихой скорби, это привѣтъ послѣдней весны! Andante по глубинѣ мысли и по классической своей простотѣ, близко стоитъ къ бетховенскимъ andante. Увертюра Бетховена „Леонора“ № 3, снова послужила предметомъ общаго удивленія и поклоненія.

Віолончельистъ г. Аббате, солистъ вечера, имѣлъ средній успѣхъ. О немъ можно высказаться рѣшительно: это дюжинный музыкантъ, съ среднимъ тономъ глуховатаго тембра. Концертъ Лало, имъ исполненный, произведеніе безусловно интересное, но неблагоприятное для солиста; центръ тяжести въ оркестрѣ. Скерцо, интантное, прелестно инструментованное, какъ часть болѣе доступной массѣ, очевидно, понравилось. Г. Аббате игралъ на bis изъ Поннера.

По словамъ г. Рихтеръ продрижируетъ послѣднимъ концертомъ Муз. Общ-ва и исполнитъ 9 симфонію — Царицу Симфоній. Сообщаю это для свѣдѣнія, потому что многіе, безъ сомнѣнія, предвкушаютъ предстоящее высокохудожественное наслажденіе

Tritonus.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Прага. (Отъ нашего корреспондента). — Карнаваль въ разгарѣ, а театры все еще, кажется, спятъ. Гвоздемъ январскаго репертуара была постановка „Возчика Геншеля“ Гаупмана на сценѣ Национальнаго чешскаго театра. Пьеса, къ сожалѣнію, не имѣла успѣха настоящаго, хотя играли ее чудесно. Г. Слукочъ и г-жа Гибнеръ создали мастерскимъ образомъ главныя роли Геншеля и служанки Ганны. Но, какъ я сказалъ, пьеса шла четыре раза, какъ всѣ среднія пьесы, и затѣмъ исчезла навсегда въ архивѣ дирекціи. За то, можно сказать, феноменальный успѣхъ имѣетъ только что у насъ поставленная на сцену пьеса „Заза“. Штантанная сфера конечно заманчива, въ особенности для той части публики, которой въ жизни посѣщать шантаны запрещено, напримѣръ, для дамъ изъ лучшихъ сферъ. Это обстоятельство и объясняетъ необыкновенный успѣхъ пьесы на самомъ дѣлѣ средняго достоинства. Заглавную роль играетъ г-жа Бенони, не совсѣмъ плохо, но и не вполне хорошо. Настоящій талантъ артистки оказывается въ роляхъ нивныхъ дѣвушекъ, и что заставляетъ г-жу Бенони дирекцію давать ей роли героинь à la Заза или „Frou-Frou“ неизвѣстно. Кромѣ этихъ двухъ пьесъ, въ театральномъ мірѣ настоящая Сахара, озаисомъ кажется только обѣщанная постановка „Cyrano de Bergerac“ въ превосходномъ переводѣ Врхлицкаго. Еслибъ только не оказалось, что оазисъ, была лишь заманчивой старой морганой!

P.S. Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія сообщая, съ какимъ напряженіемъ ожидаетъ наша публика объявленная уже гастроль труппы г-жи Савиной. Г-жу Савину ожидаетъ горячая встрѣча со стороны нашей интеллигентной публики.

D. Prusic.

Приводимъ содержаніе новой пьесы Зудермана „Три павлиньихъ пера“, о которой уже сообщали. Готскій принцъ Виттъ ищетъ „идеальной“ женщины. Изгнанный изъ собственныхъ владѣній дикимъ Вадвольфомъ, принцъ странствуетъ, пока не встрѣчаетъ въщей старухи-могилищицы, обитающей въ хижинѣ на пустынномъ Замландскомъ берегу. Могилищица даетъ ему три пера и добавляетъ: „сожжешь первое — говоритъ она замогильнымъ голосомъ принцу — увидишь лишь вдали неясный обликъ идеальной женщины, сожжешь второе — представится тебѣ этотъ образъ во снѣ; сожжешь послѣднее — твое счастье умретъ, и тогда лишь ты увидишь, кто былъ этимъ счастьемъ.“

Первое перо принца, конечно, тотчасъ же сжигаетъ, послѣ чего ему чудится женскій образъ, но въ неясной и расплывчатой формѣ. Таковъ удѣлъ всякаго идеала.

Во второмъ актѣ мы видимъ принца въ замкѣ Замландской королевы, которой предстоитъ разрѣшить трудную задачу; кому изъ рыцарей, добивающихся ея руки, отдать предпочтеніе и кого взять себѣ въ мужья. Она торжественно кланяется на мечъ стать женой того, кто побѣдитъ въ поединкѣ. Подстрекаемый королевой, рѣшается, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, выступить противъ своего соперника и принца Виттъ. Онъ побѣжденъ, но благодарна стараніямъ своего слуги, возмущившаго народъ противъ побѣдителя — женится на королевѣ, которую, къ слову сказать, нисколько не любитъ. Тоска грезитъ его по прежнему, ибо идеала все нѣтъ.

Въ минуту отчаянія Виттъ рѣшается испытать свое второе перо и когда оно вспыхиваетъ, появляется изъ своихъ покоевъ королева, обезпокоенная безсонницей короля. Зрителю ясно, что идеалъ, — но Виттъ, увѣ, это не понимаетъ; онъ начинаетъ вести безпорядочную жизнь.

Въ замокъ врывается заклятый врагъ Витта — герцога Видвольфа, котораго король убиваетъ. Народъ восхваляетъ подвигъ короля до небесъ, но Виттъ, не взирая на мольбы народа и жены, готовый простить королю его мелкія интрижки съ фрейлинами, отказывается отъ трона и отправляется съ вѣрнымъ слугой въ далекое странствіе... за счастьемъ. Въ пятъ актѣ мы видимъ Витта окончательно надломленнымъ, пятнадцать лѣтъ онъ странствовалъ, исколесилъ весь югъ, но не найдя завѣтнаго счастья, возвращается на Замландскій берегъ къ хижинѣ таинственной могильницы. Тутъ онъ встрѣчается съ королевой, стосковавшей по немъ. Чтобы покончить навсегда съ вопросомъ о счастьѣ, Виттъ припоминаетъ, что сохранилъ еще третье перо, которое и сжигаетъ. Въ этотъ мигъ онъ узнаетъ, что его счастьемъ была жена его; согласно пророчеству могильницы, она тутъ же умираетъ. Умираетъ вмѣстѣ съ ней и Виттъ...

Постановкой пьесы руководилъ самъ авторъ. Въ исполненіи образцовой труппы «Deutsches Theater», пьеса имѣла большой успѣхъ. Не говоря уже о главныхъ персонажахъ, какъ Зорма, Кайнци, Миллеръ, Райхертъ, Ниссенъ успѣху содѣйствовала десятилѣтняя Лоти Ротъ, игравшая сына королевы, — роль, безъ которой новѣйшая пьеса Зудермана несомнѣнно потеряла бы очень многое.

О маленькой артисткѣ берлинскія газеты отзываются съ большою похвалою.

Въ театрѣ «Vaudeville» недавно поставлена новая 4-актная комедія Мориса Донне «Жоржета Леменье». Сюжетъ пьесы довольно несложенъ. Инженеръ Леменье женатъ 6 лѣтъ на прелестной женщинѣ, которая его безумно любитъ. Семейное счастье омрачается увлеченіемъ Леменье красивой женой нѣкоего артиста Сурета, который изъ прелестей жены создалъ себѣ родъ промысла. Леменье совсѣмъ потерялъ голову. Онъ даритъ госпожѣ Суретъ брилліантовъ на 10,000 подписывается на 100,000 векселя ей мужу, однимъ словомъ, творитъ много глупостей, натурально, неразлучныхъ со званіемъ влюбленнаго. Госпожа Леменье узнаетъ про эту исторію, идетъ къ соперницѣ, происходитъ бурная сцена, которая повторяется въ слѣдующемъ актѣ, и наконецъ, все кончается миромъ, и примирившіеся супруги открываютъ, предъ паденіемъ занавѣсы новую супружескую идиллію. Сюжета, какъ видно, нѣтъ, но пьеса сдѣлана искусно, и діалогъ превосходенъ. Но сомнительно, чтобы пьеса вышла за предѣлы Парижа. Сарсэ недаромъ называется се сценами изъ «Vie parisienne».

Въ театрѣ Пале Рояль новая комедія «Clétri», въ 3 актахъ. Сюжетъ все въ тѣхъ же безконечныхъ вариантахъ адюльтера. Но есть кое-какія оригинальныя подробности. Обманутый мужъ — астрономъ; счастливый любовникъ его ученикъ. Но существуетъ равновѣсіе міровъ и даже дѣтства. Ученикъ укралъ жену учителя, потому что учитель укралъ у ученика честь открытія новой планеты. Впрочемъ, изъ этого обстоятельства не вытекаетъ никакихъ послѣдствій. Фарсъ развивается самымъ обыкновеннымъ манеромъ. Жена астронома каждый день мѣняетъ прислугу, потому что прислугѣ очень скоро становится извѣстенъ секретъ адюльтера. И когда астрономъ удивляется этой быстрой смѣнѣ прислуги, ему объясняютъ, что онъ астрономъ, а жена ревнива. И наконецъ, одна горничная дѣйствительно падаетъ къ нему въ объятія. Дальше начинается совершенно невѣроятная буффонада, за которой мы слѣдить не станемъ, но которая ясно характеризуетъ направление современнаго французскаго фарса и благородныя усилія нашего отечественнаго «въ дородствѣ съ нимъ сравнятся».

Композиторъ Цельнеръ написалъ музыку къ «Потонувшему колоколу» Гауптмана, подъ названіемъ «Музыкальной драмы» въ 5 д. Это произведеніе выйдетъ въ свѣтъ въ скоромъ времени. Къ характеристикѣ французовъ и ихъ торгашества, кстати, замѣтимъ, что другую популярную пьесу послѣднихъ лѣтъ «Принцессу Грезу» Ростанъ ни одному французскому композитору не разрѣшилъ для либретто, и если нашему соотечественнику Г. Блейхману это удалось, то только вслѣдствіе отсутствія конвенціи.

Золотая муха.

(Разсказъ).

„Эльдорадо“ переживало лихорадочное утро, т. е. утро относительное, потому что оно начиналось здѣсь послѣ двѣнадцати часовъ дня, когда просыпалась вся садовая челядь. Больше всѣхъ волновался самъ хозяинъ сада, Евграфъ Гаврилычъ. Онъ трусцой перебѣгалъ съ афишей въ рукахъ отъ одного къ другому и на ходу бормоталъ:

— Нѣтъ, мы теперь утремъ носъ Стрѣльскимъ! Ой... нѣтъ, братъ, шалишь! Будутъ они помнить Евграфа Гаврилыча... да. Закрывай лавочку хоть сойчасъ. Даже жалъ милашекъ... ха-ха!..

Старикъ говорилъ быстро, точно сыпалъ словами, причемъ его добродушно-лукавые сѣрые глаза жмурились и подмигивали. Онъ даже прищелкивалъ языкомъ, чтобы сильнѣе выразить свою мысль.

— Вотъ этакія птишка прилетитъ въ „Пале-Хрусталь“, такъ не обрадуются... хи-хи!.. вскрикивалъ старикъ, поднимая къверху большую афишу, отпечатанную на трехцвѣтной бумагѣ, напоминающей флагъ. — Тутъ, братъ, игрушки плохія... Пагонимъ мы имъ холоду, братьямъ-разбойникамъ!.. Будетъ намъ терпѣть отъ нихъ...

Вся садовая челядь принимала самое живое участіе въ этомъ шумномъ торжествѣ своего патрона, выражая его восклицаніями на разныхъ языкахъ, смѣхомъ и разными артистическими кунштюками. Тутъ были и балетмейстеръ Бульони, чернышій, сухой и подвижный господинъ небольшого роста, и шпагоглотатель—шестифутовый негръ Самъ, и русскій канатоходецъ Галкинъ, изъ отставныхъ матросовъ, и „музыкальные эксцентрики“ братья Молчанскіе, и главный комикъ куплетистъ Вуровъ-Шершневскій, и „гуттаперчевая дѣвочка“ миссъ Элліэтъ, и „американское семейство зумительныхъ клоуновъ“ Цингъ, и отставной укротитель звѣрей Чинетти, и содержательница цыганскаго хора толстая еврейка Рахиль—словомъ, весь тотъ невообразимый сбродъ, который кормится около такихъ учреждений, какъ загородный садъ „Эльдорадо“. Да и какъ могли они не радоваться, когда вотъ съ этой афишей былъ связанъ кровный вопросъ о собственномъ существованіи. Впрочемъ, былъ одинъ скептикъ, не раздѣлившій общаго настроенія—это буфетчикъ Спиридонъ, извѣстный въ средѣ артистовъ подъ кличкой „мрачнаго мерзавца“. Онъ вѣчно имѣлъ какой-то обиженный видъ и вѣчно на что-нибудь жаловался. Можетъ быть поэтому Евграфъ Гаврилычъ и направился къ нему съ афишей.

— Ну, на смотри... нюхай... бормоталъ онъ, поднося афишу къ самому носу буфетчика. — Безъ ножа зарѣжемъ „Пале-Хрусталь“...

— Чѣмъ зарѣжешь-то, Евграфъ Гаврилычъ?

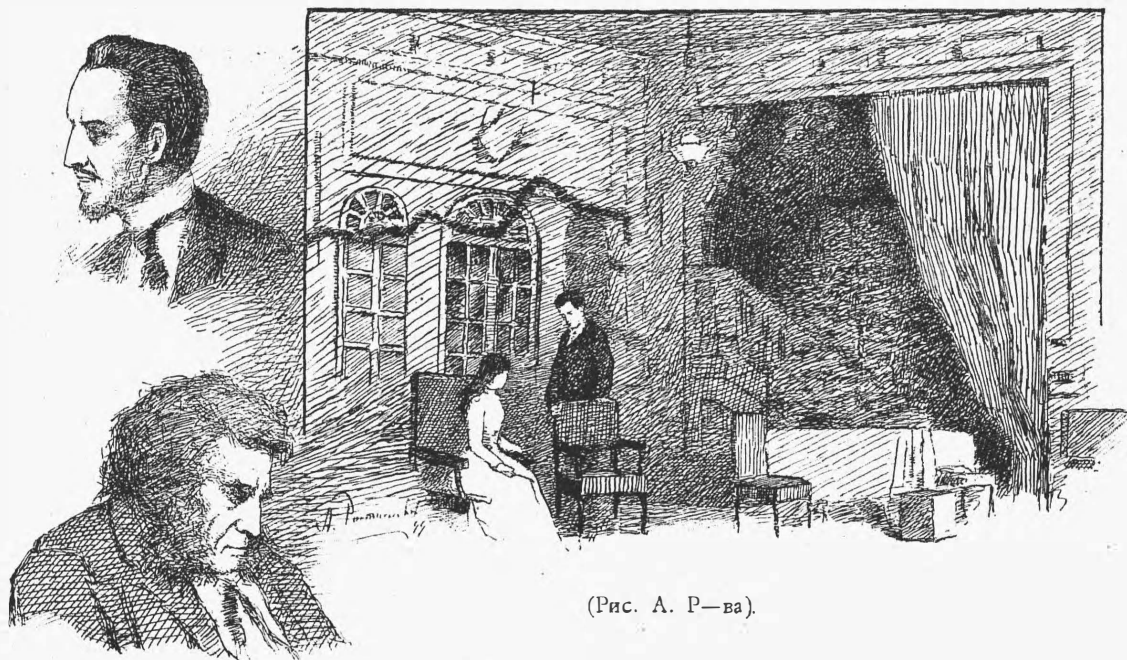
— А вотъ этой самой бумагой зарѣжемъ... Какъ пить дадимъ.

Спиридонъ мрачно улыбнулся и точно отцѣдилъ.

— Цыплятъ по осени считаютъ, Евграфъ Гаврилычъ...

— По осени? А ты читай. „Первое представленіе извѣстной любимицы публики пѣвицы Грежиной-Стальской“... а? И это тебѣ, идола, ни по чѣмъ? Мало?.. Публика-то валомъ повалитъ... Вѣдь ты за ведро водки дерешь больше сорока рублей, за бутылку коньяку восемнадцать, за фунтъ чаю пятнадцать—сосчитай-ко сколько наживешь въ одинъ вечеръ. Вотъ то-то и оно-то... А всему голова Настасья Петровна. Да я ее, матушку, на рукахъ буду

„Б о л ь н ы е л ю д и“.

(Рис. А. Р—ва).

носить, въ лебяжемъ пуху буду держать, вѣтру не дамъ пахнуть.

Мрачный буфетчикъ хотѣлъ сказать что-то относительно патента, но въ этотъ моментъ сопровождавшая Евграфа Гаврилыча челядь шумно разступилась, давая дорогу средняго роста женщинѣ въ громадной шляпѣ и лѣтнемъ широкомъ манти.

— Голубушка, Настасья Петровна... вотъ легка на поминѣ! какимъ-то плачущимъ голосомъ забормоталъ старикъ.—Ручку, матушка... милая... родная!..

— А, здравствуйте... равнодушно отвѣтила она,

смѣривъ его съ головы до ногъ удивленнымъ взглядомъ.—Извините, вы кто же такой здѣсь будете?..

— Я-то... хе-хе... Хозяиномъ прежде считали... Да...

Она оглянулась на своего спутника, точно хотѣла убѣдиться, что это не мистификація. Провожавшій ее лысый, брызглый господинъ съ крашеными усами вытиралъ свое вспотѣвшее лицо платкомъ и отвѣтилъ утвердительнымъ взглядомъ.

— Очень пріятно... протянула она низкимъ, но много надтреснутымъ голосомъ и подала руку.

— Да, очень...

„Б о л ь н ы е л ю д и“.

Докторъ Шольцъ (г. Далматовъ).

Слуга Фрибе (г. Левашовъ).

(Наброски г. Левашева).

Затѣмъ, она повернулась, окинула быстрымъ взглядомъ своихъ прозрачныхъ неопредѣленного цвѣта глазъ окружающую ее толпу, чуть замѣтно сморщила маленькій прямой носъ и, взявъ у хозяина афишу, рѣшительнымъ шагомъ направилась на садовую открытую террасу, установленную бѣлыми столбами. За ней шагала лысый спутникъ, размахивая снятой шляпой. Евграфъ Гаврилычъ догналъ его и шепнулъ на ухо заискивающимъ голосомъ, скашивая глаза на дорожную гостью:

— Ну, что голубчикъ Алексисъ?

— Да, ничего... Все отлично.

— Постарайся, Алексисъ, а ужъ я, братъ, не забуду... Знаешь мой характеръ.

Кучка артистовъ такъ и осталась у буфета. Всѣ жадно глядѣли на знаменитую Настасью Петровну, производившую еще такъ недавно громадный фуроръ. Одно ея имя на афишѣ ручалось за успѣхъ любого представленія. Публика рвалась, какъ сумасшедшая, чтобы послушать первоклассную звѣзду. Кто же не слыхалъ Грмину-Стальскую? Такого человека, кажется, и не сыскать, репутація этой артистки настолько была велика, что даже не возбуждала артистической зависти: вѣдь Грмина-Стальская одна и другой, Грминой-Стальской не будетъ.

— Довольно она измѣнилась... замѣтила содержательница цыганскаго хора.—У ней въ горлѣ былъ миллионъ... да. Ахъ, ежели бы къ этому горлу другую голову приставить... фе-фе-фе!..

Старуха подняла жирныя плечи и зажмурилась въ какомъ-то ужасѣ. Артисты отлично ее поняли и тоже съежились отъ одной мысли о тѣхъ сотняхъ тысячъ, которыя были разбросаны вотъ этими маленькими ручками въ длинныхъ шелковыхъ перчаткахъ. Да, Настасья Петровна пожила въ свою волю...

Она чувствовала на себѣ этотъ общій взглядъ жаднаго любопытства, а чуткое артистическое ухо ловило сдержанный шопотъ, поднимавшійся точно волна прилива. „Господи, въ какую помойную яму я попала!“ — съ тоской подумала она, закрываясь афишей.

— Кто составлялъ афишу? строго спросила она, не обращаясь ни къ кому.

— Это вотъ они-съ... отвѣтилъ Евграфъ Гаврилычъ, указывая на лысаго Алексиса. — Они у насъ всегда афиши мастерятъ. Ловко подпущено?

— Да, недурно.. Вы меня рекламируете, какъ опоевую пожарную лошадь, сердито замѣтила она, пробѣгая глазами афишу.

Алексисъ покраснѣлъ и въ смущеніи поправилъ галстукъ.

— У насъ всякаго жита по лопатѣ, Настасья Петровна, не унимался Евграфъ Гаврилычъ. — Вотъ извоите видѣть: національный балетъ „Скороспѣлка“ — прекрасный номеръ, потому гуттаперчевая дѣвочка — публика весьма одобряетъ... русскій канатоходецъ — ну, этотъ такъ, на затычку идетъ. Онъ съ дрессированнымъ котомъ выходитъ... А дальше-съ музыкальные эксцентрики... американское семейство... шпагоглотатель. Вашъ номеръ послѣднимъ стоитъ, какъ главная приманка для публики. Вы ужъ извините, а мы тоже понимаемъ, съ кѣмъ дѣло имѣемъ. Алексисъ въ грязь лицомъ не ударить... Обратите вниманіе: сбоку напечатано — „Изумительно!“ „Непостижимо!“ Это все о васъ... да. У меня вѣдь такой характеръ: кого полюбилъ — ничего не жалъ. И все у меня по семейному... Дѣтками я зову своихъ артистовъ. И кормлю, и пою, и одѣваю, и призрѣваю всѣхъ, какъ родныхъ дѣтей. У насъ все попросту... Другіе антрепренеры пылъ любятъ пущать, а у насъ все попросту.

— Я слышала, что вы жалованья никому не платите?

— Я? Напраслина-съ, Настасья Петровна... Денегъ, дѣйствительно, не люблю давать въ руки, потому что знаю, что такое настоящій артистъ. Это я для нихъ же пользы. А только имъ вѣсѣмъ у меня не житье, а масляница: ни о чемъ не думай, ни о чемъ не заботься. Они у меня пѣсенки распѣваютъ, шапки глотаютъ, по канатамъ ходятъ, господа публикѣ всякое удовольствіе доставляютъ, а я ихъ питаю... хе-хе. Голодные ко мнѣ-то приходятъ, холодные... Ну, только это все другіе, а вы — особы статья, Настасья Петровна. У насъ съ вами особый разговоръ.

Но „она“ не слушала его, погрузившись въ раздумье. Алексисъ изподлобья разсматривалъ это чудное лицо, которое нельзя было даже назвать особенно красивымъ, но сколько въ немъ было огня, задорнаго веселья, затаеннаго смѣха. Большіе, стуженные глаза смотрѣли изъ-подъ устало опущенныхъ вѣкъ такимъ колючимъ взглядомъ. А этотъ, немножко удлиненный восточный овалъ лица, эти соболиныя брови, эти русые волнистые волосы, этотъ пухлый ротикъ съ дѣтски-капризнымъ разрѣзомъ — все въ ней было вызывающе-хорошо. Даже сейчасъ она была больше, чѣмъ красавица, хотя ея время уже прошло.

— Послушайте, я никакъ не могу васъ припомнить... заговорила она, медленно поднимая на него свои удивительные глаза.—Гдѣ мы встрѣчались?

— Даже не одинъ разъ... смущенно пробормоталъ Алексисъ.—Въ отдѣльныхъ кабинетахъ... Помните: Вадовскій, Ворзикъ, Гусевъ?..

— Да, что-то такое какъ будто помню... отвѣтила она, сморщивъ брови.—А ваше лицо выпало у меня изъ памяти... Впрочемъ, и не мудрено: у меня такая масса знакомыхъ.

— Алексисъ тогда еще городскимъ головой состоялъ, вмѣшался Евграфъ Гаврилычъ советомъ не къ мѣсту.

Она сдѣлала видъ, что не разслышала, а бѣдный Алексисъ весь съежился, точно его облили холодной водой.

II.

Смыслъ случившагося событія заключался въ томъ, что всего какихъ-нибудь два года назадъ Настасья Петровна составляла главную приманку „Пале-де-Кристалъ“, антрепренерами котораго состояли знаменитые братья Стрѣльскіе а затѣмъ, въ томъ, что между „Эльдорадо“ и „Пале-де-Кристалъ“ шла самая ожесточенная конкуренція. Появленіе Настасьи Петровны въ „Эльдорадо“ являлось той перчаткой, которую рыцари бросали, вызывая на поединокъ. Выпущенная Евграфомъ Гаврилычемъ широкофятельная афиша, анонсировавшая дебютъ знаменитой садовой пѣвицы, взволновала оба учрежденія до самаго дна, поднявъ всѣ счеты, дризги и застарѣлую вражду. „Эльдорадо“ торжествовало впередъ побѣду надъ соперникомъ. Вѣдь Настасья Петровна стояла внѣ конкуренціи, и другой Настасьи Петровны невозможно было придумать.

— Мы имъ покажемъ! повторяла хоромъ вся челядь, ютившаяся около „Эльдорадо“, — Настасья Петровна вывезетъ...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТИФЛИСЬ. 1 января въ театрѣ Грузинскаго дворянства начались спектакли опереточнаго товарищества, подъ управленіемъ г-жи Дагмаровой (администраторъ г. Кисилевичъ). Несмотря на болѣе чѣмъ посредственный составъ (за исключеніемъ г-жи Раисовой и гг. Сѣверскаго и Вилинскаго, некого назвать), малочисленные, собранные очевидно на скорую руку, хоръ и оркестръ, избитый репертуаръ, товарищество дѣлаетъ приличные сборы и вмѣстѣ съ подвизающимся нынѣ у насъ циркомъ Никитина является солиднымъ конкурентомъ оперному театру.

Сборы въ послѣднемъ, поднявшіеся было за время праздниковъ, въ послѣднія двѣ недѣли сильно упали. Помимо названной конкуренціи, паденіе сборовъ и замѣтное охлажденіе къ оперѣ публики должно быть приписано заминкѣ въ репертуарѣ, произошедшей вслѣдствіе выбитія изъ состава труппы драматическаго тенора г. Гверціо. Оставшись при однихъ лирическихъ тенорахъ, антреприза вынуждена была отказаться отъ постановки болѣешихъ репертуарныхъ оперъ и прибѣгать къ частымъ повтореніямъ.

Хотя на вакантное амплу въ настоящее время приглашенъ уже теноръ г. Пересъ, но этотъ пѣвецъ знакомъ Тифлису, и едва ли къ выгодѣ пѣвца. Г. Пересъ былъ забранованъ недавно театальной комиссіей одесскаго городского театра.

Вообще, съ италіанцами нашей новой антрепризы не повезло. Въ то время какъ получающіе большіе оклады и обременяющіе бюджетъ италіанскіе пѣвцы сидятъ безъ дѣла, всю тяжесть репертуара выносятъ на своихъ плечахъ малочисленный составъ русскихъ исполнителей въ лицѣ г-жи Ольгиной, Маршадъ и гг. Максакова, Борисенко, Каміонскаго и Трубина.

Въ свой бенефисъ, состоявшійся 9 января, г. Барбини—дирижеръ оркестра возобновилъ оперу «Вильгельмъ Тель». Эта устарѣвшая опера Россини, требующая для своего успѣха исключительныхъ пѣвцовъ, оказалась не по силамъ нашей труппѣ и даже такой бесспорно-талантливый пѣвецъ и актеръ какъ г. Максаковъ, чувствовалъ себя неловко въ заглавной партіи. Изъ послѣднихъ бенефисовъ прошли весьма удачно г-на Арцимовича («Опричникъ») и г-жи Ольгиной («Карменъ»). Г-жа Ольгина въ сценическомъ смыслѣ безукоризненно исполняетъ роль Карменъ, хотя съ большими недочетами въ пѣніи. Въ близкомъ будущемъ объявлено возобновленіе «Рогнеды».

О дѣятельности нашего отдѣленія Императорскаго Музыка. Общества, проявляющейся въ устройствѣ квартетныхъ и симфоническихъ собраній,—въ другой разъ.

Л.—а.

КАЗАНЬ. Никогда еще, кажется, съ самого существованія казанскаго городского театра рождественскіе праздники не давали такихъ громадныхъ сборовъ, какъ истекшіе: за 19 спектаклей (8 утреннихъ и 11 вечернихъ) было собрано 12.600 руб., т. е. на кругъ свыше чѣмъ по 600 руб. и это при небывало дешевыхъ цѣнахъ на мѣста въ утренніе спектакли, отъ 5 р. 50 к. до 2 р. 50 к.—ложи, отъ 1 р. 10 до 80 к. кресло, отъ 65 до 32 к. стулья, и отъ 27 до 7 к. проч. мѣста!.. Утренніе спектакли, прежде менѣе охотно посѣщаемые—на этотъ разъ были до того переполнены, что пришлось добавить еще двѣ утреннихъ 30 и 31 декабря. Репертуаръ былъ составленъ такъ: «Царь Борисъ» и «Роковой дебютъ», «Волшебная сказка» (во 2 разъ въ сезонѣ); «Василиса Мелентьева» и «Бабушкины грѣшки» (во 2 разъ), «Марія Стюартъ» и «Контролеръ спальныхъ вагоновъ» (въ 4 разъ), «Вотъ такъ пилюли, что въ ротъ—то спасибо» и «Босоножки», «Трильби» и «Угнетенная невинность» (въ 3 разъ), «Помолвка въ Галерной гавани», «Вотъ такъ пилюли» (во 2 разъ) и «Босоножка» (во 2 разъ), вечеромъ—«Друзья» и «Золотая Ева» и 31-го утромъ «Вокругъ свѣта» (во 2 разъ) и вечеромъ «Блестящая карьера» (водевилъ въ этотъ спектакль поставлено не было, такъ какъ вечеромъ былъ «Театральный маскарадъ»)—по нашему мнѣнію неприличное обыкновеніе!).

Въ январѣ: «Два подростка», «Сирано де-Бержеракъ» (въ 3 разъ) и «Первое свиданіе» (во 2 разъ); «Шейлокъ» и «На хуторѣ» (въ бенефисъ А. И. Каширина); «Вокругъ свѣта» (во 2 разъ), «Двѣ судьбы» (во 2 разъ) и «Ожиданіе сердечко», «Цѣпи» и «Сердечная кинитель» (въ бенефисъ А. Н. Соколовскаго), «Каширская старина» и «Школьная пора», «Гернани» и «Ниобея» (во 2 разъ).

Во время праздниковъ было нѣсколько «инцидентовъ», такъ артистъ Каширинъ, въ «Царѣ Борисѣ», имѣлъ на себѣ крестъ. Администрация предложила распорядителю труппы устранить подобныя случайности, но артистка, игравшая «Марію Стюартъ», не была предупреждена и вышла на сцену съ крестомъ, какъ дѣлала всѣ актрисы. Послѣ перваго акта ее заставили снять крестъ, причемъ едва не былъ составленъ особый протоколъ.

Въ «Василисѣ Мелентьевой» съ успѣхомъ выступила г-жа Шебуева, въ репертуарѣ которой эта роль одна изъ важ-

нѣйшихъ. Въ первый послѣпраздничный спектакль была поставлена въ первый разъ въ Казани трагедія Н. Л. Пушкирева «Соломонія и Елена». Въ мѣстной прессѣ замолчали и пьесу, и исполненіе. Роль «Соломоніи» нашла въ г-жѣ Шебуевой, по общимъ отзывамъ, надлежащую истолковательницу.

Пресловутый «Измаилъ» здѣсь не понравился и врядъ ли его болѣе поставятъ, развѣ на масляницѣ.

Въ самый разгаръ праздниковъ тяжело заболѣлъ талантливый режиссеръ театра М. О. Рюминъ, такъ что черезъ силу сыгралъ трудную роль Свенгали въ «Трильби» 28 декабря и съ того времени болѣе не выступаетъ на сценѣ и не носитъ обязанностей режиссера—въ исполненіе послѣднихъ вступилъ г. Соколовскій. Отъ души желаемъ почтенному артисту скорѣйшаго выздоровленія.

На этомъ кончаемъ. Просимъ только сдѣлать маленькую поправку въ корреспонденціи изъ Казани, напечатанной въ № 2 «Театръ и Искусство». Тамъ называется исполнительницей роли «Луизы» въ пьесѣ «Коварство и любовь»—Артемева. Это очевидно опечатка—эту роль играла въ Казани артистка Иртенъевъ.

Въ Казани находится редакторъ-издатель «Саратовскаго Листка» П. О. Лебедевъ, ожидается прїѣздъ и г. Сараханова—для третейскаго суда съ артистомъ Агаревымъ.

Казанецъ.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Послѣ праздниковъ наступилъ разгаръ бенефисовъ. Отъ 8-го по 21 января ихъ было четыре на сценѣ городского театра и два во всесловномъ клубѣ. А впереди еще болѣе. Бенефицианты начали ставить пьесы оптомъ. Такъ, напр въ одинъ вечеръ шли «Хрущевскіе помѣщики» (4 акта) и «Ночіа безумная» (3 акта), «Ромео и Юлія» сочтены съ «Ниобея», «Звѣздой грѣхъ» съ «Золотой Евой». Къ довольно длинной и скучной пьесѣ Шнажинскаго «Двѣ судьбы» были пристегнуты въдевилъ съ пѣнемъ и танцы съ переодѣваньемъ, но всего ужаснѣе то, что дирекція театра не пощадила патріотическаго настроенія, навѣяннаго Бухаринскимъ издѣлемъ «Измаилъ» и поручила г. Разсудову расходить публику куплетами. Относительно постановки пьесы на сценѣ всесловнаго клуба говорить собственно не стоитъ, но я не могу не указать на своеобразную точку зрѣнія дирекціи театра, въ силу которой здѣсь допускается не только не твердое знаніе ролей, небрежность грима, декораций и костюмовъ, но даже безцеремонное сокращеніе и передѣлываніе шекспировскихъ произведеній. Бѣдный Шекспиръ! Ему и въ голову не приходило что въ г. Нижнемъ его опилятъ, какъ курицу. Изъ всѣхъ бенефисныхъ спектаклей въ театрѣ наибольшій интересъ выпалъ на долю новой пьесы Григорія Ге «Казнь», поставленной въ свой бенефисъ г. Дара-Владимировымъ. Сравнивая эту пьесу съ «Набатомъ», шедшимъ у насъ въ прошломъ сезонѣ, я долженъ отмѣтить значительный шагъ впередъ въ развитіи авторскихъ способностей. Здѣсь уже нѣтъ такого нагроможденія грубыхъ эффектовъ, хотя, впрочемъ, и здѣсь ихъ достаточно. Пьеса сморится не безъ интереса, а первая сцена схвачена со всѣми деталями прямо съ натуры и даетъ намъ яркую картину кафшинганной жизни. Постановка «Казни» на здѣшней сценѣ вышла очень удачной, благодаря счастливому ансамблю и тщательной срепетовкѣ пьесы. Бенефициантъ (Годда) внесъ много увлеченія въ роль пылкаго и до самоотверженія преданнаго испанца-пѣвца, какіе едва ли на свѣтѣ водятся, твердое знаніе роли дало ему возможность недурно справиться съ ломаной рѣчью изъ смѣси трехъ языковъ, а вышность артиста была красива и внушительна. Превосходной партнѣршей бенефицианту была г-жа Андросова (Кета). Давъ сперва иллюзію зиправской кафештантанной пѣвицы, артистка сумѣла выразить страданія павшей, но честной и глубоко несчастной женщины, для которой нѣтъ возврата къ честной жизни. Хоръли были Разсудовъ (братъ Кеты) и Карамазовъ (Викентій), Тройничій (Пружановъ) сильно переигрывалъ свою роль пошлаго сластолюбца и кафештантаннаго завсегдатая, причемъ выдѣлывалъ ножками какія-то сложныя разъ какъ на урокъ танцевъ. О бенефисѣ г. Шатова ограничусь нѣмными словами. Ставилъ онъ «Двѣ судьбы», пьесу, въ которой и актеры, и публика чувствовали себя повидимому довольно скверно. Одинъ только бенефициантъ былъ въ великолѣпномъ настроеніи и въ свою роль (пѣвицы, бывшаго опернаго пѣвца) внесъ массу ненужныхъ движеній. Кстати сказать, этотъ актеръ—настоящее «regretted mobile» и по всему видно, что онъ нѣкогда служилъ Терпсихорѣ. Въ придачу къ пьесѣ и въ благодарность за два поднесенныхъ подарка, г. Шатовъ въ заключеніе угощалъ публику танцами кафештантаннаго жанра, чѣмъ заслужилъ рукоплесканія извѣстной части зрителей. Не хорошо превращать серьезную драматическую сцену въ шато-кабакскую эстраду! Г-жа Соколовская поставила въ свой бенефисъ «Хрущевскихъ помѣщиковъ» и исполненіемъ роли придурковатой, но испорченной и злой Глаши поистинѣ заслужила благодарность публики. Артисткѣ поднесли подарокъ и 150 рублей «вѣеромъ».

«Измаилъ» Бухарина въ первый разъ сдѣлалъ почти полный сборъ, пьеса пойдетъ еще нѣсколько разъ. Въ постановкѣ

ся были замѣтны кое-какіе недочеты. Такъ, негладко прошла сцена на балу у Потемкина, нѣкоторые славные генералы Екатерины были уморительно смѣшны, костюмы далеко не у всѣхъ соотвѣтствовали эпохѣ и т. д. Впрочемъ, если судить по аплодисментамъ, то успѣхъ эта феерія имѣла пренепрядочный.

Д.-скій.

НИКОЛАЕВЪ. Праздники и январь мѣсяцъ до 26-го числа были въ смыслѣ сборовъ чрезвычайно удачны. За мѣсяцъ взято около 17 тысячъ, что при 11 тысячахъ расхода составляетъ солидный дивидендъ, съ избыткомъ покрывшій убытокъ мѣсяца. И бенефисы были много удачнѣе. За это время были поставлены слѣдующія пьесы: «Слѣдователь», «Ледяной домъ», «Золотая Ева», «Плоды просвѣщенія», «Измаилъ» (4 раза), «Казнь» (2 раза), «Безчестные», «Отъ преступленія къ преступленію» (бен. г. Двинскаго 30 декабря), «Хижина дяди Тома», «По гривенничку за рубль», «Блуждающіе огни» (бен. г-жи Эллеръ—2 го янв.), «Хрущевскіе помѣщики», «Трильби», «Потопнувшій колоколъ», «Ревизоръ», «Измаилъные люди», «Горячія письма» (бен. г-жи Писаревой—Звѣдичъ—8-го января), «Двѣ сиротки», «На маневрахъ», «Волки и овцы», «Нарциссъ» (бен. г. Чарскаго), «Красавецъ» «Сыщикъ» (бен. г-жи Позинской), «За монастырской стѣной», «Клубъ холостяковъ», «Вторая молодость», «Нахлебники», «Правда—хороша, а счастье лучше» (бен. г. Илькова—19-го января), «Шпионъ» (два раза. Второй разъ далъ 44 рубля сбору), «Огстунникъ», «Багдаская принцесса», «Безъ пупка и штыковъ», «На несахъ» (три раза), «Дочь русскаго актера» (два раза), «На зелени», «Прежде скончались», «Водевиль съ перодѣваніемъ», «Женское любопытство», «Гастралици», «Помолвка въ галерной гавани», «Не бывае бы счастьемъ», «Дорогой поцѣлуй» и «Вѣдная дѣвушка».

Въ матеріальномъ отношеніи самый большій успѣхъ среди публики имѣлъ «Измаилъ», давшій три полныхъ сбора, и принесшій сочинителю пьесы до трехъ сотъ рублей авторскаго гонорара. Изъ дѣлъ эти quasi—историческія пьесы идутъ въ пятый разъ съ благотворительною цѣлью. Правится также пьеса г. Ге «Кизнь», пропѣданная пять разъ, что многіе характеризуютъ вкусы николаевской публики.

Театръ г. Шеффера на слѣдующій зимній сезонъ, какъ слышно, остается опять за г. Адровымъ и Илановскимъ, такъ какъ они заключили контрактъ съ владѣльцемъ театра на два года.

Диалектизмъ.

ТАГАНРОГЪ. На дняхъ артистъ мѣстной труппы г. Кузнецовъ-Ершовъ скромно отпраздновалъ 30-ти лѣтній юбилей своей артистической дѣятельности. Г. Кузнецовъ—одинъ изъ немногихъ провинціальныхъ сценическихъ дѣятелей, добросовѣстно и серьезно относящихся къ своему дѣлу. Это человекъ интеллигентный, начитанный, обладающій вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторымъ, правда, небольшимъ талантомъ. Въ Таганрогѣ онъ пользуется большимъ успѣхомъ и особенно выдвинулся въ «Кручинѣ» въ роли Недыхалева. Юбилейный спектакль прошелъ при теплыхъ и дружныхъ овацияхъ публики и артистовъ. Первая поднесла цѣнные подарки а вторые, кромѣ подарковъ, прочитали еще и адресъ, въ которомъ воздали должное и способностямъ артиста, и его прекраснымъ качествамъ, какъ человѣка. Были также телеграммы отъ артистовъ товарищей, въ томъ числѣ отъ Синельникова, Любимова, Мартыновой, Самойлова, и почитателей почтеннаго юбиляра.

Состоялся также послѣдній бенефисъ труппы О. В. Строгановой. Была поставлена драма кн. Волконскаго «Рабыня». Бенефисъ въ художественномъ отношеніи оказался неудачнымъ, такъ какъ г-жа Строганова выступила въ главной роли, совершенно не соотвѣтствующей ея сценическимъ способностямъ.—Также неудачно была исполнена и сенсационная пьеса «Новый мѣръ» опять таки благодаря тому, что лучшую роль юной христіанки Мерцій взяла на себя г-жа Строганова. Странно, что уважаемая артистка начала вдругъ выступать въ роляхъ драматическихъ героинь и ingénue. Ея голосъ сухой, крикливый, немного капризный, совсѣмъ не въ состояніи выразить ни нѣжности, ни теплоты, ни драматическаго паѳоса. Жаль, что артистка, обладающая несомнѣннымъ дарованіемъ, выступаетъ въ роляхъ не своего амплуа, и этимъ роняетъ себя въ глазахъ публики.

Городской театръ еще не сланъ на слѣдующій зимній сезонъ, но по всей вѣроятности Управа войдетъ въ соглашеніе съ г. Крыловымъ, антрепренеромъ новочеркаскаго театра. Онъ предлагаетъ драматическую и оперную труппу попеременно и соглашается платить городу аренды 500 р. въ сезонъ, оставляя доходъ съ вѣшалки въ пользу города. Г. Синельникову театральная коммисія отказала, такъ какъ онъ поставилъ условіемъ дать труппу безъ театральнаго оркестра. На дняхъ подала также заявленіе антрепренерша воронежскаго театра г-жа Малиновская. Она предлагаетъ аренды 1800 р. въ сезонъ и обязывается уплатить всѣ деньги впередъ при подписаніи контракта. Очевидно, г-жа Малиновская не имѣетъ понятія объ оборотахъ таганрогскаго театра и идетъ на невѣдомое ей дѣло, очертя голову.

Кромѣ городского театра, у насъ еще два раза въ недѣлю

даются спектакли въ Артистическомъ Обществѣ, пользующемся здѣсь большою популярностью. Спектакли кружка посѣщаются охотно, такъ какъ цѣны назначаются очень низкія (ложи по 2 р. 50 к., партеръ отъ 20 к. до 10 к. за мѣсто). Но о дѣятельности Артистическаго Общества поговорю въ слѣдующій разъ болѣе подробно.

Борисовъ.

РЯЗАНЬ. Изъ пьесъ, поставленныхъ въ декабрѣ, можно отмѣтить: «Фру-фру», «Трильби» и «Майорну». Въ роли Фру-фру выступила гастролерша, артистка театра Корша г-жа Азагарова. «Трильби» шла въ бенефисъ г-жи Тарской. Въ общемъ, пьеса прошла не дурно, и бенефициантка имѣла успѣхъ. Нельзя не замѣтить, что «Трильби» была поставлена довольно-таки своеобразно. Смотри на подобнаго роля постановку невольно приходишь къ заключенію и заключенію печальному, что ни режиссеръ, ни артисты не идутъ дальше обыденныхъ традицій. Въ данномъ случаѣ очевидно ниско изъ нихъ не пожелалъ заглянуть въ романъ Дю-Морье—пробравъ пьесы, и жалъ—тамъ такія ясныя и опредѣленныя указанія и описанія. Неужели Трильби, Тафи, Свенгали... не могли бы загримироваться и одѣться такъ, какъ это указано у автора. Трильби въ первомъ актѣ, правда, появляется въ традиціонной курткѣ и полосатой юбкѣ съ фонаремъ, киркой и корзинной триничикой за спиной, но у г-жи Тарской за спиной была повѣшенная изысканная корзина, какія ставятъ подъ письменный столъ для бумагъ, и была прикрѣплена къ спинѣ лентами!!! Во второмъ актѣ вмѣсто костюма гризетки Латинскаго квартала съ бѣлоснѣжными чепчикомъ—на артисткѣ былъ какой-то полу балетный нарядъ. Тафи—г. Тарининовъ кѣмъ хогиге по только не чистокрылымъ британцемъ, вмѣсто великолѣпныхъ рыжѣхъ бисенбардъ, о которыхъ столько говорится, были щегольскіе усики гамепа. Свенгали г. Катарскій почему-то не надѣлъ ни плаща, ни берета, а то и другое несомнѣнно характерны. Въ роли Майорни Фени съ успѣхомъ выступила г-жа Вальцъ. Корингина игралъ мѣстный любитель г. Оленинъ, и былъ очень своеобразенъ. Въ декабрѣ шли: «Измаилъ» (2), «Таланты и поклонники», «Фру-фру», «Двѣ сиротки», «Трильби», «Двѣ судьбы», «Темный боръ», «Неумолимый судъ», «Невѣрная» и «Волшебная сказка»; послѣднія двѣ при участіи г-жи Лешковской, слѣвавшей полные сборы и весьма художественно сыгравшую «Невѣрную».

Праздничный репертуаръ слѣдующій: «Два подростка», «Правительница Софья», «Князь Серебряный», «Ледяной домъ», «Золушка» (феерія) и «Любея»; «Донъ-Жуанъ» (Мольера). «Джентельмэнъ» (бенефисъ г-жи Липской), «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», «Венеційскій истуканъ», «Пиковая дама», «Ограбленная конѣшня», «Юрій Милославскій» и «Испанскій дворянинъ» (бенефисъ антрепренера г. Шувалова). Бенефисъ въ матеріальномъ отношеніи имѣлъ успѣхъ, былъ и сборъ почти полный и подношеній было много. Что же сказать объ исполненіи праздничнаго репертуара? Въ общемъ было порядочно суеты и безпорядка. Объ исполненіи говорить не будемъ—можно только сказать, что нашъ Донъ-Жуанъ навѣрно не увлекъ бы ни одной женщины, а Любея не разжалобила бы даже самыхъ снисходительныхъ боговъ. Нашъ первый любовникъ г. Дьяконовъ опасно боленъ и его роли по необходимости долженъ исполнять г. Танскій.

Вѣсть о трагической кончинѣ Рошши-Исарова, какъ громомъ поразила всѣхъ насъ, кто зналъ и любилъ покойнаго. 11 января драматической труппой нашего театра и нѣкоторыми знакомыми покойнаго была отслужена панихида. Отрядно было видѣть, съ какимъ участіемъ и теплотою поминали покойнаго. Послѣ панихиды была отправлена въ Кіевъ депеша на имя Н. Н. Соловцова; подписанная всѣми присутствовавшими на панихидѣ.

В. Камневъ.

БОРИСОГЛѢБСКЪ. Здѣсь нѣтъ театра, а существуетъ кружокъ любителей драматическаго искусства, который часто устраиваетъ спектакли съ благотворительными цѣлями. Кружокъ этотъ существуетъ давно, и даетъ спектакли въ клубѣ. Въ кружкѣ имѣются болѣе болѣе любители театра, какъ напримѣръ Д. Г. Добинъ, часто устраивающій спектакли. Такъ 27-го декабря состоялся спектакль въ пользу общества ремесленниковъ. Представлено было «Какъ куръ во щи!», ком.-фарсъ И. Мясническаго и монологъ «Записки сумасшедшаго». 6-го января въ пользу студентовъ представлено было: «Тяжелые дни» ком., и водевилъ «По взаимному соглашенію». Какъ въ первомъ спектаклѣ, такъ и во второмъ пьесы прошли гладко. Отмѣтимъ г. Мараева, читавшаго «Записки сумасшедшаго», гг. Добина, Дьякоза и г-жу Петрову. Тѣмъ не менѣе, чувствуется потребность въ общедоступномъ театрѣ, котораго, здѣсь, къ сожалѣнію нѣтъ. Купечество считаетъ театръ пустой забавой. Оно потѣшается пока еще по старому—бѣгунами. Здѣсь было не мало недурныхъ драматическихъ труппъ, но посѣщали театръ только чиновники, офицера, да служащій людъ. За то среди купечества къ цирку—страсть. Изъ Борисоглѣбска рѣдкій владѣлецъ цирка не вывозитъ солидной суммы. Драматическіе же товарищества, случалось, продавали здѣсь свои библиотекы.

Д. О.

УРАЛЬСКЪ. 23-го февраля исполняется 20-лѣтіе сценической дѣятельности нашего антрепренера А. И. Громова. Предполагается юбилейный спектакль-бенефисъ А. И. Громова, уже 10 лѣтъ пребывающаго во главѣ драматическихъ труппъ. А. И. Громовъ довольно извѣстенъ въ театральномъ мірѣ, какъ опытный и дѣльный распорядитель-антрепренеръ.

ЕЛИСАВЕТПОЛЬ 10-го января былъ устроенъ въ гражданскомъ клубѣ мѣстными любителями спектакль въ пользу бѣдныхъ жителей. Была поставлена «Вторая молодость». Изъ исполнителей назовемъ г-жу Ермолкову (въ роли Готовцевой) и г-жу Троппъ (няня Минодора), изъ мужского персонала гг. Богданова (Готовцевъ) и Манкевича (въ роли дяди).

31-го января предполагается «грузинскій вечеръ» съ живыми картинами, сборъ съ котораго поступитъ въ пользу общества распространения народнаго образования среди грузинскаго населенія.

Николинъ.

ОСТРОГОЖСКЪ. 21-го января, въ залѣ А. И. Становича, послѣдовало открытіе спектаклей товарищества драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ А. П. Свиридова.

Для перваго дебюта поставили извѣстную комедію Чернышева «Испорченная жизнь» и водевилъ «Затѣйница».

Изъ исполнителей обратили на себя извѣстное вниманіе публики г. Горбуновъ (Курчаевъ въ ком. «Испорченная жизнь») и артистка г-жа Свиридова (Маруша въ комедіи и Вѣра въ водевилѣ). Можно указать также и на молодую актрису Зорину (Елена Павловна Курчаева).

Въ общемъ, труппа слаба, подобрана неумѣло и врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ. Нѣтъ главныхъ персонажей: героини, любовники и резонера, а безъ нихъ, полагаемъ, ставить что-либо серьезное и имѣющее интересъ—нельзя. 26-го января ставятъ «Степной богатырь»—соч. Салова. Объявленный репертуаръ: «Вторая молодость», «Трильби», «Женитьба», «Двѣ сиротки».

Въ воскресенье, 24 го января, въ томъ же залѣ, назначенъ концертъ маюлинистокъ Рехакъ.

ТЮМЕНЬ. На дняхъ нашъ городъ посѣтилъ Рауль Кочальскій, имѣвшій большой успѣхъ. Зала музыкально-драматическаго кружка во время концертовъ была переполнена публикой, не смотря на высокія цѣны.

На святкахъ любителями драматическаго искусства былъ данъ рядъ спектаклей въ театрѣ-циркѣ Н. Боровскаго, который на-дняхъ приобрѣтенъ въ собственность г. Рѣпинымъ. Поставлены: «Счастливый день»—2 раза, «Бабы дѣло», «Обездоленные», «Лебединая пѣсня», «Трагикъ по неволѣ» и «Медвѣдь»,—песмы по силамъ нашимъ любителямъ, изъ числа которыхъ отмѣтимъ отнесшихся со вниманіемъ къ своимъ ролямъ гг. Артынова, Иванова и Горшкова. Не дурень былъ бы г. Добожинскій въ роли Иванова («Счастливый день»), если бы не постоянный шаржъ въ угоду «верховъ». На вызовы публики г. Добожинскій не ограничился поклонами, — а вошедши въ экстазъ «разсыпалъ» направо—налѣво воздушные поцѣлуи..

Спектакли очень охотно посѣщались публикой, что объясняется дешевой мѣстъ: послѣдніе ряды 10 к.

11-го января, солдатскій спектакль въ пользу голодающихъ Самарской губерніи далъ сбору около 130 рублей. Посмотрѣть невиданное въ Тюмени зрѣлище: солдатъ въ роли исполнителей на сценѣ,—собралось очень много. Общее резюме «что солдатики играютъ немножко хуже любителей»!

На дняхъ въ г. Тюмень прибудетъ труппа г-жи Антоновой.

Г. Н. Казаевскій.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Съ 1-го по 15-е февраля 1899 г.

Александринскій театръ. 2-го февраля: «Исторія одного увлеченія». — 3-го «Девятый валъ». — 4-го «Борцы». — 5-го «Свѣтитъ, да не грѣетъ». — 7-го Утромъ: «Царь Борисъ». (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя); Вечеромъ: «Невольницы». — 8-го «Борцы». — 9-го Бенефисъ г. Писарева. Въ 1-й разъ по возобновленіи: «Сердце—не камень». — 10-го «Девятый валъ». — 11-го «Царь Борисъ». — 12-го «Невольницы». — 14-го Утромъ: «Ревизоръ», ком. (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Свѣтитъ, да не грѣетъ».

Михайловскій театръ. 1-го февраля: «Fanny Lear», com. (Abonn. suspendu). — 2-го «Fanny Lear»: (1-er abonnement. — 3-го «Путь къ славію». — 4-го «Fanny Lear». (2-ème abonnement. — 5-го «Le controleur des Wagons-Lits», com. (Abonn. suspendu). — 6-го Bénéfice de m-r Andrieu. «Le boulet», com. nouvelle. — 7-го «Путь къ славію», ком. — 8-го «Le boulet». (Abonn. suspendu) — 9-го «Le boulet». (1-er abonnement) — 10-го «Влестяшій карьеръ», ком. — 11-го «Le boulet», (2-ème abonnement. — 12-го «Le controleur de Wagons Lits. (Abonn. suspendu)». — 13-го—Bénéfice de m-elle Jane Rabuteau. «Mon enfant», com. nouvelle. — 14-го «Влестяшій карьеръ», ком.

Маринскій театръ. 2-го февраля: «Фра-Диаволо» (г-жи Михайлова, Фриде; гг. Фигнеръ, Чупрыниковъ, Титовъ, Стравинскій, Фрей и др.). — 3-го «Фаустъ», опера (г-жи Козаковская, Каменская, Носилова; гг. Морской, Смирновъ, Бухтояровъ и др.). — 4-го «Русланъ и Людмила» опера (г-жи Буткевичъ, Слатина, Славина; гг. Морской, Чупрыниковъ, Шароновъ, Стравинскій, Фрей и др.) (Не въ счетъ абонементъ). — 5-го Въ 1-й разъ: «Сказки Гофмана», опера (г-жи Медя-Фигнеръ, Мравина, Козаковская, Фриде; гг. Фигнеръ, Чупрыниковъ, Карелинъ, Тартаковъ, Серебряковъ и др.). — 7-го Утромъ: «Снѣгурочка», (г-жи Михайлова, Козаковская, Долина, Носилова; гг. Морской, Кравченко, Яковлевъ, Майборода, Бухтояровъ и др.). Вечеромъ: «Корсаръ» (г-жа Ленянина). — 8-го «Сказки Гофмана», опера (г-жи Медя Фигнеръ, Мравина, Буткевичъ, Фриде; гг. Фигнеръ, Чупрыниковъ, Карелинъ, Тартаковъ, Серебряковъ и др.). — 9-го «Фаустъ», опера (г-жи Козаковская, Долина, Каменская; гг. Ершовъ, Яковлевъ, Бухтояровъ и др.). — 10-го «Корсаръ», балетъ (г-жа Ленянина). — 11-го «Сказки Гофмана» (г-жи Вольска, Козаковская, Мравина, Фриде; гг. Фигнеръ, Карелинъ, Угрюмовъ, Тартаковъ, Серебряковъ и др.) (Не въ счетъ абонементъ). — 12-го «Самсонъ и Далила» (г-жа Славина, гг. Ершовъ, Тартаковъ, Серебряковъ, и др.). — 4-го Утромъ: «Дубровскій», опера (г-жи Куза, Каменская, гг. Ершовъ, Титовъ, Стравинскій, Майборода и др.) Вечеромъ: «Дочь Фараона».

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мастерская струнныхъ инструментовъ

В. В. ИВАНОВА.

сущ. съ 1873 г.

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Тщательное и аккуратное изготовленіе новыхъ, а также и починка струнныхъ инструментовъ, какъ-то: скрипокъ, альтовъ, виолончели, контрабасовъ, смычковыхъ и всѣхъ къ нимъ принадлежностей, мандолинъ, гитаръ, цитръ, концертинъ, вѣнскихъ и народныхъ, балалаекъ, домръ и гуслей всѣхъ размѣровъ. Лучшія струны для всѣхъ инструментовъ.

209 (г.—8)

Лѣтній театръ

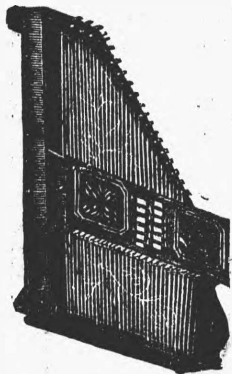
и садъ „Фантазія“ въ г. ОСТРОГОЖСКѢ, Воронежской губ. сдаются на лѣто с. г. открытая сцена, кегельбанъ, буфетъ, биллиардная. Условія узнать: г. Острогожскъ, В. Н. Левицкій. № 224 (1—1)

ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДѢ

Нѣжность и Свѣжесть лица
Пуховка - Юности

КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ
Замѣняетъ лучшую пудру, пуховку, пудренницу и зеркало

Привлеченія № 3.

Въ залѣ Городского Кредитнаго Общества
въ Пятницу, 5-го Февраля 1899 г., въ 8 ч. веч.,
КОНЦЕРТЪ ИЗВѢСТНАГО
БОГЕМСКАГО КВАРТЕТА
изъ ПРАГИ.

Карль Гофманъ (1-я скрипка), Иосифъ Сунъ (2-я скрипка), Оскаръ Недбалъ (альтъ),
профессоръ Ганусъ Виганъ (виолончель). Рояль фабрики Я. Беккеръ.
Нумерованные билеты по 5 р. 10 к., 3 р. 10 к., 2 р. 10 к. и 1 р. 10 к. въ музы-
кальномъ магазинѣ А. Йогансена, Невскій пр., № 50, рядомъ съ пассажемъ.
№ 225 (1-1)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
„Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“

РЕКОМЕНДУЕТЪ
ДЛЯ НѢЖНОСТИ И БѢЛИЗНЫ КОЖИ
МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ
вазелиновое туалетное.

Поддѣлки вазелинового туалетнаго мыла Голлендеръ явились въ продажѣ,
а потому торговый домъ „Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, обра-
щая на это вниманіе почтеннѣйшей публики, проситъ всегда требовать, во
избѣжаніе покупки поддѣлки, только мыло „ГОЛЛЕНДЕРЪ“ вазелиновое
туалетное, высокое качество котораго не нуждается въ рекламахъ.

Продажа во всѣхъ городахъ Имперіи, въ аптекахъ, аптекарскихъ и космо-
тетическихъ магазинахъ.

Оптовая продажа у изобрѣтателей, С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13, Торговый
домъ „Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“. 213 (г.—1).

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ ДЛЯ ВОЛОСЪ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

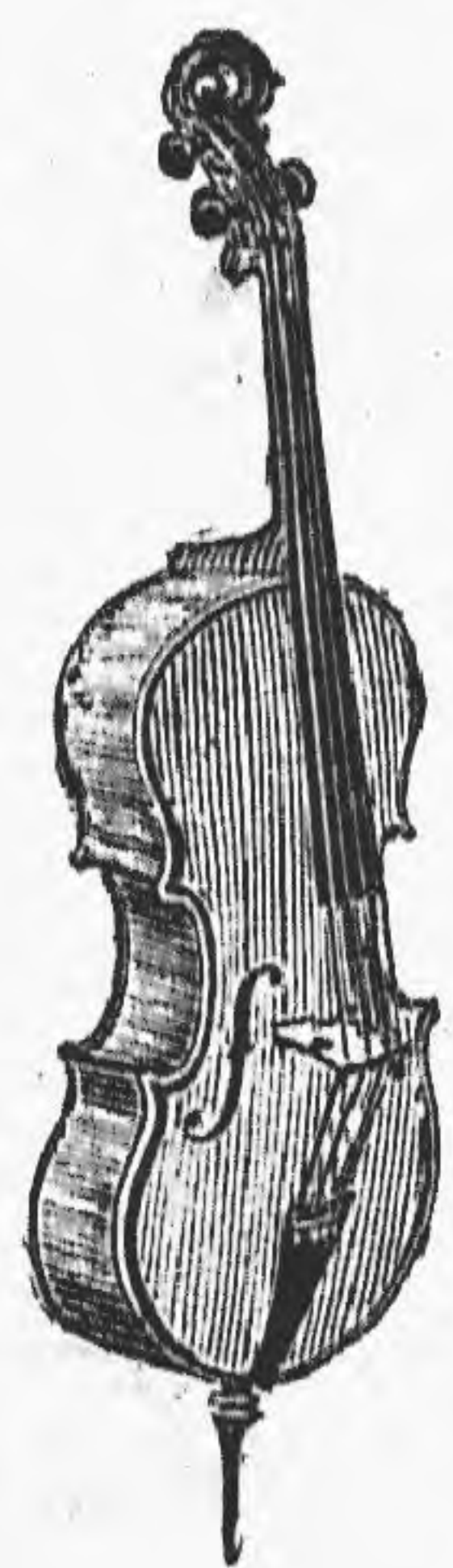
Уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на
подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской
косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ,
Михайловская пл., № 2.

Изобрѣтатель усовершенствованныхъ балалаекъ.

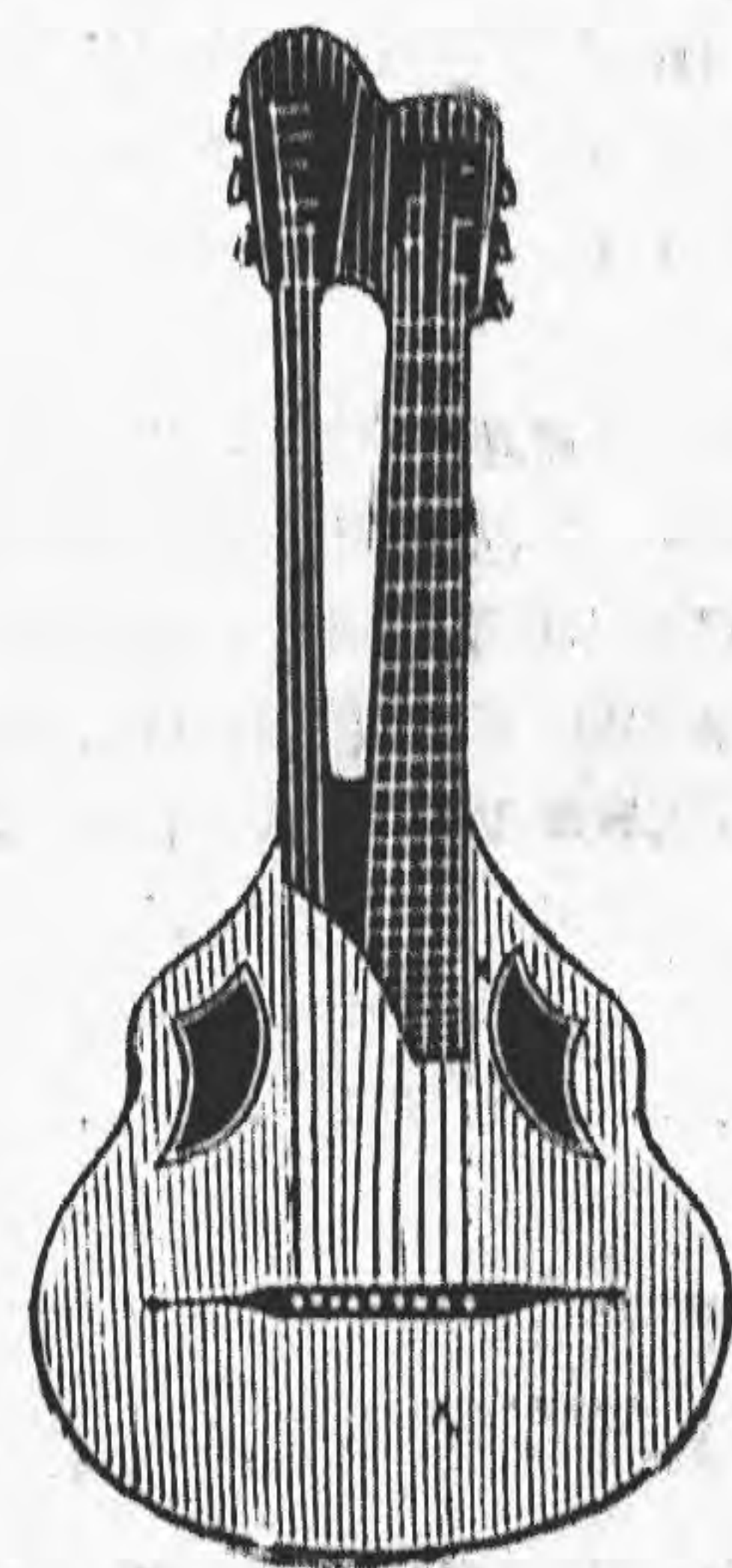
Скрипки, Альты. Виолончели и Контрабасы.
Гитары, Мандолины и Цитры.

Гитары отъ 2 руб.—Мандолины съ механикою отъ 4 руб.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

БАЛАЛАЙКИ

Хроматическія съ 16-ю (и болѣе) ладами отъ 1 р. 50 к.

Балалайки, Контрабасы отъ 12 р.
Басы отъ 8 р.
Альтъ, Секунда и Теноръ отъ 4 р.
Дискантъ и Пиколо отъ 3 р.
Прима отъ 1 р. 50 к., 2 р. 50 к., 4,
6, 8, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60
и 75 руб.
Домры: малая отъ 10 р. до 35 р., аль-
товая отъ 15 до 50 р.
Вѣнскія цитры отъ 6 р.
Народныя цитры отъ 2 р. 75 к.
Гудокъ отъ 6 р.

Брелка отъ 4 р.
ШКОЛЫ и НОТЫ для домръ и бала-
лаекъ собственнаго изданія.
СТРУНЫ самыя лучшія, для всѣхъ инстру-
ментовъ отъ 5 к., 10 к., 15 к. и 20 к.,
итальянскія 25 к., провѣрен-
ныя 30 к.
Скрипки отъ 1 р. до 200 р.
Смычки отъ 30 к. до 25 р.
Альты отъ 4 р.
Виолончели отъ 10 р.
Контрабасы отъ 25 р.

ПРЕИСЪКУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

С.-Петербургъ, Караванная ул., уголъ Большой Итальянской.

Усовершенствовавшій русскую народную балалайку.

Скрипичный мастеръ Ф. Пасербскій.

Гитарный мастеръ Ф. Пасербскій.